

Стажеры

Автор:

Аркадий и Борис Стругацкие

Стажеры

Аркадий и Борис Стругацкие

Владимир Юрковский отправляется в полет уже не в качестве исследователя, а как генеральный инспектор МУКСа (Международного управления космических сообщений). Капитаном корабля выступает его старый приятель Алексей Быков, навигатор Михаил Крутиков, борт-инженер Иван Жилин.

На Земле их просят доставить на спутник Сатурна одного стажера, который отстал от своей группы. Но по пути Юрковскому надо посетить с визитом несколько космических станций.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Стажеры

ПРОЛОГ

Подкатил громадный красно-белый автобус и остановился, мерно похрюкивая двигателем. Отлетающих пригласили садиться.

- Что ж, ступайте, - сказал Дауге.

Быков проворчал:

- Успеем. Пока они все усядутся...

Он исподлобья смотрел, как пассажиры один за другим неторопливо поднимаются в автобус. Пассажиров было человек сто. Провожających почему-то было совсем немного.

- Если они будут грузиться такими темпами, - сказал Гриша, - вам к старту не успеть.

Быков строго посмотрел на него.

- Застегни рубашку, - сказал он.

- Пап, жарко, - сказал Гриша.

- Застегни рубашку, - повторил Быков. - Не ходи расхлюстанный.

- Не бери пример с меня, - сказал Юрковский. - Мне можно, а тебе еще нельзя.

Дауге взглянул на него и отвел глаза. Не хотелось смотреть на Юрковского - на его уверенное рыхловатое лицо с брызгливо отвисшей нижней губой, на тяжелый портфель с монограммой, на роскошный костюм из редкостного стереосинтетика. Лучше уж было глядеть в высокое прозрачное небо, чистое, синее, без единого облачка, даже без птиц - над аэродромом их разгоняли ультразвуковыми сиренами.

Быков-младший под внимательным взглядом Быкова-старшего застегивал воротник. Юрковский томно сказал:

- В стратоплане спрошу бутылочку эссенуков и выкушаю...

Быков-старший с подозрением спросил:

- Печенка?

- Почему обязательно печенка? – сказал Юрковский. – Мне просто жарко. И пора бы тебе знать, что эссендуки от приступов не помогают.

- Ты по крайней мере взял свои пилюли? – спросил Быков.

- Что ты к нему пристал? – сказал Дауге.

Все посмотрели на него. Дауге опустил глаза и сказал сквозь зубы:

- Так ты не забудь, Владимир. Пакет Арнаутову нужно передать сразу же, как только вы прибудете на Сырт.

- Если Арнауты на Марсе, – сказал Юрковский.

- Да, конечно. Я только прошу тебя не забыть.

- Я ему напомню, – пообещал Быков.

Они замолчали. Очередь у автобуса уменьшалась. Пора было прощаться.

- Знаете что, идите вы, пожалуйста, – сказал Дауге.

- Да, пора идти, – вздохнул Быков. Он подошел к Дауге и обнял его. – Не печалься, Иоганыч, – сказал он тихо. – До свидания. Не печалься.

Он крепко сжал Дауге длинными костистыми руками, Дауге слабо оттолкнул его.

- Спокойной плазмы, – проговорил он.

Он пожал руку Юрковскому. Юрковский часто заморгал, он хотел что-то сказать, но только облизнул губы. Он нагнулся, поднял с травы свой великолепный портфель, повертел его в руках и снова положил на траву. Дауге не глядел на него. Юрковский снова поднял портфель.

- Ах, да не кисни ты, Григорий, – страдающим голосом сказал он.

- Постараюсь, - сухо ответил Дауге.

В стороне Быков негромко наставлял сына:

- Пока я в рейсе, будь поближе к маме. Никаких там подводных забав.

- Ладно, пап.

- Никаких рекордов.

- Хорошо, пап. Ты не беспокойся.

- Меньше думай о девицах, больше думай о маме.

- Да ладно, пап.

Дауге сказал тихо:

- Я пойду.

Он повернулся и побрел к зданию аэровокзала. Юрковский смотрел ему вслед. Дауге был маленький, сгорбленный, очень старый.

- До свидания, дядя Володя, - сказал Гриша.

- До свидания, малыш, - сказал Юрковский. Он все смотрел вслед Дауге. - Ты его навещай, что ли... Просто так, зайдя, выпей чайку - и все. Он ведь тебя любит, я знаю...

Гриша кивнул. Юрковский подставил ему щеку, похлопал по плечу и вслед за Быковым пошел к автобусу. Он тяжело поднялся по ступенькам, сел в кресло рядом с Быковым и сказал:

- Хорошо было бы, если б рейс отменили.

Быков с изумлением воззрился на него.

– Какой рейс? Наш?

– Да, наш. Дауге было бы легче. Или чтобы нас всех забраковали медики.

Быков засопел, но промолчал. Когда автобус тронулся, Юрковский сказал:

– Он даже не захотел меня обнять. И правильно сделал. Незачем нам летать без него. Нехорошо. Нечестно.

– Перестань, – сказал Быков.

Дауге поднялся по гранитным ступеням аэровокзала и оглянулся. Красное пятнышко автобуса ползло уже где-то возле самого горизонта. Там, в розоватом мареве, виднелись конические силуэты лайнеров вертикального взлета. Гриша спросил:

– Куда вас отвезти, дядя Гриша? В институт?

– Можно и в институт, – ответил Дауге.

Никуда мне не хочется, подумал он. Совсем никуда мне не хочется. Тяжело как... Вот не думал, что будет так тяжело. Ведь не случилось ничего нового или неожиданного. Все давно известно и продумано. И заблаговременно пережито потихоньку, потому что кому хочется выглядеть слабым? И вообще все очень справедливо и честно. Пятьдесят два года от роду. Четыре лучевых удара. Поношенное сердце. Никуда не годные нервы. Кровь и та не своя. Поэтому бракуют, никуда не берут. А Володьку Юрковского вот берут. А тебе говорят: «Григорий Иоганнович, довольно есть, что дают, и спать, где положат. Пора тебе, говорят, Григорий Иоганнович, молодых поучить». А чему их учить? Дауге покосился на Гришу. Вон он какой здоровенный и зубастый. Смелости его учить? Или здоровью? А больше ведь, по сути дела, ничего и не нужно. Вот и остаешься один. Да сотня статей, которые устарели. Да несколько книг, которые быстро стареют. Да слава, которая стареет еще быстрее.

Он повернулся и вошел в гулкий прохладный вестибюль. Гриша Быков шагал рядом. Рубаха у него была расстегнута. Вестибюль был полон негромких

разговоров и шуршания газет. На большом, в полстены, вогнутом экране демонстрировался какой-то фильм; несколько человек, утонув в креслах, смотрели на экран, придерживая возле уха блестящие коробочки фонодемонстраторов. Толстый иностранец восточного типа топтался возле буфета-автомата. Он методически заталкивал в автомат жетон за жетоном, задумчиво глядя на табличку с надписью «выключен». Двое ребятишек – мальчик и девочка лет четырех-пяти – стояли позади него, с любопытством следя за его манипуляциями.

– Пойду объясню ему, – сказал Гриша.

Дауге рассеянно кивнул.

У входа в бар Дауге вдруг остановился.

– Зайдем выпьем, тезка, – сказал он.

Гриша посмотрел на него с удивлением и жалостью.

– Зачем, дядя Гриша? – просительно сказал он. – Зачем? Не надо.

– Ты полагаешь, не надо? – задумчиво спросил Дауге.

– Конечно, не надо. Ни к чему это, честное слово.

Дауге, склонив голову набок, прищурившись, взглянул на него.

– Уж не воображаешь ли ты, – ядовито произнес он, – что я раскис оттого, что меня вывели в тираж? Что я жить не могу без этих самых таинственных бездн и пространств? Извини, голубчик! Плевать я хотел на эти бездны! А вот что я один остался... Понимаешь? Один! В первый раз в жизни один!

Гриша неловко оглянулся. Толстый иностранец смотрел на них. Дауге говорил тихо, но Грише казалось, что его слышит весь зал.

– Почему я остался один? За что? Почему именно меня... именно я должен быть один? Ведь я не самый старый, тезка. Михаил старше, и твой отец тоже...

- Дядя Миша тоже идет в последний рейс, - робко напомнил Гриша.

- Да, - согласился Дауге. - Миша наш состарился... Ну, пойдём выпьем.

Они вошли в бар. В баре было пусто, только за столиком у окна сидела какая-то красивая женщина. Она сидела над пустым бокалом, положив подбородок на сплетенные пальцы, и смотрела в окно на бетонное поле аэродрома.

Дауге остановился и тяжело оперся на ближайший столик. Он не видел ее лет двадцать, но сразу узнал. В горле у него стало сухо и горько.

- Что с вами, дядя Гриша? - встревоженно спросил Быков-младший.

Дауге выпрямился.

- Это моя жена, - сказал он спокойно. - Пойдем.

«Какая еще жена?» - подумал Гриша с испугом.

- Может быть, мне пойти подождать в машине? - спросил он.

- Чепуха, чепуха, - сказал Дауге. - Пойдем.

Они подошли к столику.

- Здравствуй, Маша, - произнес Дауге.

Женщина подняла голову. Глаза ее расширились.

Она медленно откинулась на спинку стула.

- Ты... не улетел? - сказала она.

- Нет.

- Ты летишь позже?

- Нет. Я остаюсь.

Она продолжала глядеть на него широко раскрытыми глазами. Ресницы у нее были сильно накрашены. Под глазами сеть морщинок. И много морщинок на шее.

- Что значит - остаешься? - недоверчиво спросила она.

Он взялся за спинку стула.

- Можно нам посидеть с тобой? - спросил он. - Это Гриша Быков. Сын Быкова.

Тогда она улыбнулась Грише той самой привычно-обещающей ослепительной улыбкой, которую так ненавидел Дауге.

- Очень рада, - сказала она. - Садитесь, мальчики.

Гриша и Дауге сели.

- Меня зовут Мария Сергеевна, - сказала она, разглядывая Гришу. - Я сестра Владимира Сергеевича Юрковского.

Гриша опустил глаза и слегка поклонился.

- Я знаю вашего отца, - продолжала она. Она перестала улыбаться. - Я многим ему обязана, Григорий... Алексеевич.

Гриша молчал. Ему было неловко. Он ничего не понимал. Дауге сказал напряженным голосом:

- Что ты будешь пить, Маша?

- Джеймо, - ответила она, ослепительно улыбаясь.

– Это очень крепко? – спросил Дауге. – Впрочем, все равно. Гриша, принеси, пожалуйста, два джеймо.

Он смотрел на нее, на гладкие загорелые руки, на открытые гладкие загорелые плечи, на легкое светлое платье с чуть-чуть слишком глубоким вырезом. Она изумительно сохранилась для своих лет, и даже косы остались совершенно те же, тяжелые, толстые косы, каких давно уже никто не носит, бронзовые, без единого седого волоса, уложенные вокруг головы. Он усмехнулся, медленно расстегнул плотный теплый плащ и стащил плотный теплый шлем с наушниками. У нее дрогнуло лицо, когда она увидела его голый череп с редкой серебристой щетиной возле ушей. Он снова усмехнулся.

– Вот мы и встретились, – сказал он. – А ты почему здесь? Ты ждешь кого-нибудь?

– Нет, – проговорила она. – Я никого не жду.

Она посмотрела в окно, и он вдруг понял.

– Ты провожала, – тихо сказал он.

Она кивнула.

– Кого? Неужели нас?

– Да.

У него остановилось сердце.

– Меня? – спросил он.

Подошел Гриша и поставил на столик два потных ледяных бокала.

– Нет, – ответила она.

– Володьку? – сказал он с горечью.

- Да.

Гриша тихонько ушел.

- Какой милый мальчик, - сказала она. - Сколько ему лет?

- Восемнадцать.

- Неужели восемнадцать? Вот забавно! Ты знаешь, он совсем не похож на Быкова. Даже не рыжий.

- Да, время идет, - сказал Дауге. - Вот я уже и не летаю.

- Почему? - равнодушно спросила она.

- Здоровье.

Она быстро взглянула на него.

- Да, ты неважно выглядишь. Скажи... - Она помолчала. - А Быков тоже скоро перестанет летать?

- Что? - спросил он с удивлением.

- Я не люблю, когда Володя уходит в рейс без Быкова, - сказала она, глядя в окно. Она опять помолчала. - Я очень боюсь за него. Ты ведь знаешь его.

- А при чем здесь Быков? - спросил Дауге неприязненно.

- С Быковым безопасно, - сказала она просто. - Ну, а как твои дела, Григорий? Как-то странно, ты - и вдруг не летаешь.

- Буду работать в институте, - сказал Дауге.

- Работать... - Она покачала головой. - Работать... Посмотри, на что ты похож.

Дауге криво усмехнулся.

- Зато ты совсем не изменилась. Замужем?

- С какой стати? - возразила она.

- Я вот тоже так холостяком и остался.

- Неудивительно.

- Почему?

- Ты не годишься в мужья. Я знаю это по опыту.

Дауге неловко засмеялся.

- Не нужно нападать на меня, - сказал он. - Я просто хотел поговорить.

- Раньше ты умел говорить интересно.

- А что, тебе уже скучно? Мы говорим всего пять минут.

- Нет, почему же? - вежливо сказала она. - Я с удовольствием слушаю тебя.

Они замолчали. Дауге мешал соломинкой в бокале.

- А Володю я провожаю всегда, - сказала она. - У меня есть друзья в управлении, и я всегда знаю, когда вы улетаєте. И откуда. И я всегда его провожаю. - Она вынула соломинку из своего бокала, смяла ее и бросила в пепельницу. - Он единственный близкий мне человек в вашем сумасшедшем мире. Он меня терпеть не может, но все равно он единственный близкий мне человек. - Она подняла бокал и отпила несколько глотков. - Сумасшедший мир. Дурацкое время, - сказала она устало. - Люди совершенно разучились жить. Работа, работа, работа... Весь смысл жизни в работе. Все время чего-то ищут. Все время что-то строят. Зачем? Я понимаю, это нужно было раньше, когда всего не хватало. Когда была эта экономическая борьба. Когда еще нужно было

доказывать, что мы можем не хуже, а лучше, чем они. Доказали. А борьба осталась. Какая-то глухая, неявная. Я не понимаю ее. Может быть, ты понимаешь, Григорий?

- Понимаю, - сказал Дауге.

- Ты всегда понимал. Ты всегда понимал мир, в котором ты живешь. И ты, и Володька, и этот скучный Быков. Иногда я думаю, что вы все просто очень ограниченные люди. Вы просто не способны задать вопрос - «зачем?». - Она снова отпила из бокала. - Ты знаешь, недавно я познакомилась с одним школьным учителем. Он учит детей страшным вещам. Он учит их, что работать гораздо интереснее, чем развлекаться. И они верят ему. Ты понимаешь? Ведь это же страшно! Я говорила с его учениками. Мне показалось, что они презирают меня. За что? За то, что я хочу прожить свою единственную жизнь так, как мне хочется?

Дауге очень хорошо представил себе этот разговор Марии Юрковской с пятнадцатилетними пареньками и девчонками из районной школы. Где уж тебе понять, подумал он. Где тебе понять, как неделями, месяцами с отчаянием бьешься в глухую стену, исписываешь горы бумаги, исхаживаешь десятки километров по кабинету или по пустыне, и кажется, что решения нет и что ты безмозглый слепой червяк, и ты уже не веришь, что так было неоднократно, а потом наступает этот чудесный миг, когда открываешь наконец калитку в стене, и еще одна глухая стена позади, и ты снова бог, и Вселенная снова у тебя на ладони. Впрочем, это даже не нужно понимать. Это нужно чувствовать. Он сказал:

- Они тоже хотят прожить жизнь так, как им хочется. Но вам хочется разного.

Она резко возразила:

- А что, если права я?

- Нет. - Дауге помотал головой. - Правы они. Они не задают вопроса: зачем.

- А может быть, они просто не могут широко мыслить?

Дауге усмехнулся. «Что ты знаешь о широте мысли?» – подумал он.

– Ты пьешь холодную воду в жаркий день, – сказал он терпеливо. – И ты не спрашиваешь – зачем? Ты просто пьешь, и тебе хорошо...

Она прервала его:

– Да, мне хорошо. Вот и дайте мне пить мою холодную воду, а они пусть пьют свою!

– Пусть, – спокойно согласился Дауге. Он с удивлением и радостью чувствовал, как уходит куда-то противная гнетущая тоска. – Мы ведь не об этом говорили. Тебя интересует, кто прав. Так вот. Человек – это уже не животное. Природа дала ему разум. Разум этот неизбежно должен развиваться. А ты гасишь в себе разум. Искусственно гасишь. Ты всю жизнь посвятила этому. И есть еще очень много людей на Планете, которые гасят свой разум. Они называются мещанами.

– Спасибо.

– Я не хотел тебя обидеть, – сказал Дауге. – Но мне показалось, что ты хочешь обидеть нас. Широта взглядов... Какая у вас может быть широта взглядов?

Она допила свой бокал.

– Ты очень красиво говоришь сегодня, – заметила она, недобро усмехаясь, – все так мило объясняешь. Тогда будь добр, объясни мне, пожалуйста, еще одну вещь. Всю жизнь ты работал. Всю жизнь ты развивал свой разум, перешагивал через простые мирские удовольствия.

– Я никогда не перешагивал через мирские удовольствия, – сказал Дауге. – Я даже был изрядным шалопаем.

– Не будем спорить, – сказала она. – С моей точки зрения, ты перешагивал. А я всю жизнь гасила разум. Я всю жизнь занималась тем, что лелеяла свои низменные инстинкты. И кто же из нас счастливее т е п е р ь?

– Конечно, я, – сказал Дауге.

Она откровенно оглядела его и засмеялась.

- Нет, - сказала она. - Я! В худшем случае мы оба одинаково несчастны. Бездарная кукушка - так меня, кажется, называет Володя? - или трудолюбивый муравей - конец один: старость, одиночество, пустота. Я ничего не приобрела, а ты все потерял. В чем же разница?

- Спроси у Гриши Быкова, - спокойно сказал Дауге.

- О, э т и! - Она пренебрежительно махнула рукой. - Я знаю, что скажут они. Нет, меня интересует, что скажешь ты! И не сейчас, когда солнце и люди вокруг, а ночью, когда бессонница, и твои осточертевшие талмуды, и ненужные камни с ненужных планет, и молчащий телефон, и ничего, ничего впереди.

- Да, это бывает, - сказал Дауге. - Это бывает со всеми.

Он вдруг представил себе все это - и молчащий телефон, и ничего впереди, - но только не талмуды и камни, а флаконы с косметикой, мертвый блеск золотых украшений и беспощадное зеркало. «Я свинья, - с раскаянием подумал он. - Самоуверенная и равнодушная свинья. Ведь она просит о помощи!»

- Ты разрешишь мне прийти к тебе сегодня? - сказал он.

- Нет. - Она поднялась. - У меня сегодня гости.

Дауге отодвинул нетронутый бокал и тоже поднялся. Она взяла его под руку, и они вышли в вестибюль. Дауге изо всех сил старался не хромать.

- Куда ты сейчас? - спросил он.

Она остановилась перед зеркалом и поправила волосы, которые совершенно не нужно было поправлять.

- Куда? - переспросила она. - Куда-нибудь. Ведь мне еще не пятьдесят и мой мир принадлежит пока мне.

Они спустились по белой лестнице на залитую солнцем площадь.

- Я мог бы тебя подвезти, - сказал Дауге.

- Спасибо, у меня своя машина.

Он неторопливо натянул шлем, проверил, не дует ли в уши, и застегнул плащ.

- Прощай, старичок, - сказала она.

- Прощай, - сказал он, ласково улыбаясь. - Извини, если я говорил жестоко... Ты мне очень помогла сегодня.

Она непонимающе взглянула на него, пожала плечами, улыбнулась и пошла к своей машине. Дауге смотрел, как она идет, покачивая бедрами, удивительно стройная, гордая и жалкая. У нее была великолепная походка, и она была все-таки еще хороша, изумительно хороша. Ее провожали глазами. Троица каких-то модных парней с рыжими бакенбардами уперлась в нее нахальными глазами. Дауге подумал с тоскливой злобой: «Вот. Вот и вся ее жизнь. Затянуть телеса в дорогое и красивое и привлекать взоры. И много их, и живучи же они».

Когда он подошел к машине, Гриша Быков сидел, упершись коленями в рулевую дугу, и читал толстую книгу. Приемник в машине был включен на полную мощность: Гриша очень любил сильный звук.

Дауге залез в машину, выключил приемник и некоторое время сидел молча. Гриша отложил книгу и завел мотор. Дауге сказал, глядя перед собой:

- Жизнь дает человеку три радости, тезка. Друга, любовь и работу. Каждая из этих радостей отдельно уже стоит многого. Но как редко они собираются вместе!

- Без любви, конечно, обойтись можно, - вдумчиво сказал Гриша.

Дауге мельком взглянул на него.

– Да, можно, – согласился он. – Но это значит, что одной радостью будет меньше, а их всего три.

Гриша промолчал. Ему казалось нечестным ввязываться в спор, безнадежный для противника.

– В институт, – сказал Дауге, – и постарайся успеть к часу. Не опоздаем?

– Нет, я быстро.

Машина выехала на шоссе.

– Дядя Гриша, вам не дуется? – спросил Гриша Быков.

Дауге повел носом и сказал:

– Да, брат. Давай-ка поднимем стекла.

1

МИРЗА-ЧАРЛЕ. РУССКИЙ МАЛЬЧИК

Дежурная по пассажирским перевозкам очень сочувствовала Юре Бородину. Она ничем не могла помочь. Регулярного пассажирского сообщения с системой Сатурна не существовало. Не существовало еще даже регулярного грузового сообщения. Грузовики-автоматы отправлялись туда два-три раза в год, а пилотируемые корабли – и того реже. Дежурная дважды послала запрос электронному диспетчеру, перелистала какой-то толстый справочник, несколько раз звонила кому-то, но все было напрасно. Наверное, у Юры был очень несчастный вид, потому что напоследок она сказала с жалостью:

– Не надо так огорчаться, голубчик. Очень уж далекая планета. И зачем вам надо так далеко?

– Я от ребят отстал, – расстроено сказал Юра. – Спасибо вам большое. Я пойду. Может быть, еще где-нибудь...

Он повернулся и пошел к выходу, опустив голову, глядя на стертый пластмассовый пол под ногами.

– Пойдите, голубчик, – окликнула его дежурная. Юра сейчас же повернулся и пошел обратно. – Понимаете, голубчик, – сказала дежурная нерешительно, – случаются еще иногда специальные рейсы.

– Правда? – с надеждой сказал Юра.

– Да. Но сведения о них в наше управление не поступают.

– А меня могут взять в специальный рейс? – спросил Юра.

– Не знаю, голубчик. Я даже не знаю, где об этом можно узнать. Возможно, у начальника ракетодрома? – Она вопросительно посмотрела на Юру.

– К начальнику, наверное, не пробиться, – уныло сказал Юра.

– А вы попробуйте.

– Спасибо, – сказал Юра. – До свидания. Я попробую.

Он вышел из управления перевозок и огляделся. Справа над зелеными кучами деревьев поднималось в жаркое белесое небо здание гостиницы. Слева нестерпимо блестел на солнце исполинский стеклянный купол. Этот купол Юра увидел еще с аэродрома. С аэродрома только и видно было, что этот купол и золотой шпиль гостиницы. Юра, конечно, спросил, что это такое, и ему коротко ответили: «СЭУК». Что такое СЭУК, Юра не знал.

Прямо перед зданием управления проходила широкая дорога, посыпанная крупным красным песком. На песке виднелись следы множества ног и рубчатые отпечатки протекторов. По обеим сторонам дороги тянулись бетонированные арыки, вдоль арыков густо росли акации. Шагах в двадцати от входа в управление в тени акаций стоял маленький квадратный белый атомокар. Над

блестящим ветровым стеклом неподвижно торчали большие голубые каски с белыми буквами: «International Police. Mirza-Charlie».

Минуты две Юра стоял в полной нерешительности. Сначала на дороге никого не было. Потом откуда-то справа появился, широко шагая, рослый, докрасна загорелый человек в белом костюме. Поравнявшись с Юрой, он остановился, стащил с головы огромный белый берет и обмахнул лицо. Юра с любопытством посмотрел на него.

- Ш-жарко! - сказал человек в белом костюме. - А как ты? - Он говорил с сильным акцентом.

- Очень жарко, - согласился Юра.

Человек в белом костюме нахлобучил берет на выгоревшую шевелюру и извлек из кармана плоскую стеклянную флягу.

- Ви-пьем? - сказал он, раздвигая рот до ушей.

Юра помотал головой.

- Не пью, - сказал он.

- Я тош-же не пью, - объявил человек в белом костюме и сунул флягу обратно в карман. - Но я всегда имею виски на случай, если кто пьет.

Юра засмеялся. Человек ему нравился.

- Ш-жарко, - еще раз сказал человек в белом костюме. - Это наша беда. Меш-ждународни ракетодром в Гренландии - и я там мерзну. Меш-ждународни ракетодром в Мирза-Чарле - я мокрый, потный. А?

- Ужасно жарко, - сказал Юра.

- А куда летим? - осведомился человек в белом костюме.

– Мне нужно на Сатурн.

– О-о! – сказал человек в белом костюме. – Оч-чень молодой и уже на Сатурн! Знач-шит, нам встреч-шаться и встреч-шаться! – Он похлопал Юру по плечу и вдруг заметил полицейскую машину. – Меш-ждународни полиция, – сказал он торжественно. – Они долш-жны иметь все поч-шести.

Он важно кивнул Юре и пошел дальше. Поравнявшись с полицейским атомокаром, он подтянулся и приложил указательный палец к виску. Голубые каски над ветровым стеклом одновременно и медленно качнулись и снова застыли неподвижно.

Юра вздохнул и неторопливо пошел к гостинице. Нужно было искать где-то начальника ракетодрома. На дороге было пусто, и спросить было не у кого. Можно было, конечно, спросить у полицейских, но Юре не хотелось обращаться к ним. Ему не нравилось, что они сидят так неподвижно. Юра мимолетно пожалел, что не спросил о начальнике у человека в белом костюме, а потом вдруг подумал, что ласковая дежурная наверняка должна знать все о Мирза-Чарле.

Он даже остановился на секунду, но потом пошел дальше. В конце концов, неудобно отнимать у людей так много времени. «Ничего, узнаю где-нибудь», – подумал он и пошел быстрее.

Он шел по самому краю арыка, стараясь не выходить на солнце, мимо ярко раскрашенных автоматов с газированной водой и соками, мимо пустых скамеек и шезлонгов, мимо маленьких белых домиков, спрятанных в тени акаций, мимо обширных бетонированных площадок, уставленных пустыми атомокарами. Над одной из этих площадок почему-то не было тента, и от блестящих отполированных крыш машин поднимался дрожащий горячий воздух. Было очень жалко смотреть на эти машины, может быть уже не первый час стоявшие под беспощадным солнцем. Мимо гигантских рекламных щитов, на трех языках обещающих геркулесово здоровье всем, кто пьет витаминизированное козье молоко «Голден Хорнз», мимо каких-то очень странных потрепанных людей, спавших прямо в траве, подложив под головы узелки, рюкзаки и чемоданчики, мимо застывших у обочины машин-дворников, мимо загорелых ребятишек, плескавшихся в арыке. Несколько раз его обгоняли пустые автобусы. Он прошел под плакатом, протянутым над дорогой: «Мирза-Чарле приветствует дисциплинированного водителя». Надпись была сделана по-английски. Он

миновал голубую будку регулировщика, свернул направо и вышел на проспект Дружбы – главную улицу Мирза-Чарле.

Проспект был тоже пуст. Магазины, кинотеатры, бары, кафе были закрыты. «Сиеста», – подумал Юра. На проспекте было невыносимо жарко. Юра остановился у автомата и выпил стакан горячего апельсинового сока. Подняв брови, он подошел к следующему автомату и выпил стакан горячей газированной воды. «Да, – подумал он. – Сиеста. Хорошо бы забраться в холодильник».

Солнце жгло проспект – белое, словно затянутое туманом. Теней не было. В конце проспекта в горячей дымке розовела и синела громада гостиницы. Юра двинулся в путь, ощущая сквозь туфли раскаленный тротуар. Сначала он шел быстро, но быстро идти было нельзя – перехватывало дыхание, и пот катился по лицу, оставляя щекотные дорожки.

Длинная узкая машина с растопыренными надкрыльями подкатила к тротуару. Водитель в огромных черных очках открыл дверцу.

– Слушай, друг, где здесь гостиница?

– А вон прямо, в конце проспекта, – сказал Юра.

Водитель посмотрел, кивнул и спросил:

– А ты не туда?

– Туда, – со вздохом ответил Юра.

– Садись, – сказал водитель.

Юра с радостью полез в машину.

– Сразу видно, что ты приезжий, вроде меня, – сказал водитель. Он вел машину очень медленно. – Все местные сидят в тени. Меня предупреждали, что надо приезжать к вечеру, но такой уж я человек – неохота было ждать. И зря, видно, торопился. Сонное царство.

В машине было много прохладного чистого воздуха.

- А по-моему, - сказал Юра, - очень любопытный городок. Я никогда раньше не был в международных городах. Здесь все так забавно перепуталось. Каракумы и международная полиция. Видели - такие, в голубых касках?

- Видел, - хмуро сказал водитель. - Там их сейчас на шоссе... - он мотнул головой, - человек тридцать. Грузовики столкнулись.

- Как так - столкнулись? - сказал Юра. - Какие грузовики? Автоматы?

- Да нет, зачем автоматы, - проворчал водитель. - Эти... Варяжские гости. Дорвались... Мерзавцы пьяные.

Он остановил машину перед гостиницей и сказал:

- Приехали. Мне в первый переулок направо.

Юра вылез.

- Большое спасибо, - сказал он.

- Не за что, - сказал водитель. - До свидания.

Юра поднялся в холл и подошел к администратору. Администратор говорила по телефону, и Юра, присев в кресло, стал рассматривать картины на стенах. Здесь тоже все очень забавно перемешалось. Рядом с традиционными шишкинскими медведями красовалось большое полотно, покрытое флюоресцирующими красками и ничего особенного не изображавшее. Некоторое время Юра с тихой радостью сравнивал эти картины. Это было очень забавно.

- Слушаю вас, мсье, - сказала администратор, складывая руки на столе.

Юра засмеялся.

- Я, видите ли, не мсье, - сказал он. - Я простой советский товарищ.

Администратор тоже засмеялась:

- Откровенно говоря, я так и думала. Но я не хотела рисковать. У нас тут попадают иностранцы, которые обижаются, когда их называешь товарищами.

- Вот чудаки, - сказал Юра.

- Да уж, - сказала администратор. - Так чем я могу быть вам полезна, товарищ?

- Понимаете, - сказал Юра, - мне страшно нужно попасть к начальнику ракетодрома. Не можете ли вы посоветовать мне что-нибудь?

- А что тут советовать? - удивилась администратор. Она сняла трубку и набрала номер. - Валя? - спросила она. - Ах, Зоя? Слушай, Зочка, это Круглова говорит. Когда твой сегодня принимает? Ага?.. Понимаю... Нет, просто один молодой человек... Да... Ну хорошо, спасибо, извини, пожалуйста.

Экран видеофона во время разговора оставался слепым, и Юра счел это за плохое предзнаменование. «Плохо дело», - подумал он.

- Так вот, дело обстоит следующим образом, - сказала администратор. - Начальник сильно занят, и попасть к нему можно будет только после шести. Я напишу вам адрес и телефон... - Она торопливо писала на гостиничном бланке. - Вот. Часов в шесть позвоните туда или прямо зайдите. Это здесь рядом.

Юра встал, взял листок и поблагодарил.

- А где вы остановились? - спросила администратор.

- Понимаете, - сказал Юра, - я еще пока нигде не остановился. Я и не хочу останавливаться. Мне нужно улететь сегодня.

- А, - сказала администратор, - ну, счастливого пути. Спокойной плазмы, как говорят наши межпланетчики.

Юра еще раз поблагодарил и пошел на улицу.

В тенистом переулке неподалеку от гостиницы он нашел кафе, в котором сиеста уже кончилась или еще не начиналась. Под широким цветастым тентом прямо на траве были расставлены столики и пахло жареной свининой. Над тентом висела вывеска: «Your old Micky Mouse» с изображением знаменитого диснеевского мышонка. Юра несмело прошел под тент.

Конечно, такие кафе бывают только в международном городе. За длинной металлической стойкой на фоне бутылок с пестрыми этикетками восседал лысый румяный бармен в белой куртке с засученными рукавами. Его большие волосатые кулаки лениво лежали среди серебристых колпаков, покрывавших блюда с бесплатными закусками. Слева от бармена возвышалась непонятная серебристая машина, от которой поднимались струйки пахучего пара. Справа под стеклянной крышкой красовались всевозможные сэндвичи на картонных тарелочках. Над головой бармена были прибиты два плаката. Один, на английском языке, извещал, что «первая выпивка даром, вторая – двадцать четыре цента, остальные – по восемнадцать центов каждая». Другой плакат, на русском языке, гласил: «Ваш старый Микки Маус борется за звание кафе отличного обслуживания».

В кафе было всего двое посетителей. Один из них спал за столиком в углу, уронив на руки нечесаную голову. Рядом с ним на траве валялся сморщенный засаленный рюкзак.

Второй посетитель, здоровенный мужчина в клетчатой рубашке, неторопливо и со вкусом ел рагу и через два ряда столиков беседовал с барменом. Беседа велась по-русски. Когда Юра вошел, бармен говорил:

– Я не касаюсь фотонных ракет и атомных реакторов. Я хочу говорить о кафе и барах. В этом-то я кое-что понимаю. Возьмите здесь, в Мирза-Чарле, ваши советские кафе и наши западные кафе. Я знаю оборот каждого заведения в этом городе. Кто ходит в ваши советские кафе? И, главное, зачем? В ваши советские кафе ходят женщины кушать мороженое и танцевать по вечерам с непьющими пилотами. Какой же парень, набивший себе карман на космических копах, пойдет в ваше кафе?..

Тут бармен увидел Юру и остановился.

– Вот мальчик, – сказал он. – Это русский мальчик. Он пришел в «Микки Маус» днем. Значит, он приезжий. Он хочет кушать.

Мужчина в клетчатой рубашке с любопытством поглядел на Юру.

– Здравствуйте, – сказал Юра бармену. – Я действительно хочу есть. Как это у вас делается?

Бармен гулко захохотал.

– У нас это делается точно так же, как у вас, – сказал он. – Быстро, вкусно и вежливо. Что бы вы хотели скушать, мальчик?

Человек в клетчатой рубахе сказал:

– Сделайте ему окрошку со льдом и свиную отбивную, Джойс. А вы, товарищ, подсаживайтесь ко мне. Во-первых, здесь почему-то сквознячок, а во-вторых, так нам будет удобнее вести идеологическую борьбу со старым Джойсом.

Бармен опять захохотал и скрылся под стойкой. Юра, смущенно улыбаясь, сел рядом с клетчатой рубашкой.

– Я веду с «Микки Маусом» идеологическую борьбу, – объяснил человек в клетчатой рубашке. – Вот уже пять лет я пытаюсь доказать ему, что в Солнечной системе есть еще кое-что, кроме питейных заведений.

Бармен появился из-за стойки, неся на подносе глубокую картонную тарелку с окрошкой и хлеб.

– Пить я вам даже не предлагаю, – сказал он и ловко поставил поднос на стол. – Я сразу понял, что вы – русский мальчик. У вас у всех какое-то особенное выражение лица. Не могу сказать, Иван, чтобы оно мне не нравилось, но при виде вас почему-то пропадает жажда. И хочется соревноваться за какое-нибудь звание даже в ущерб заведению.

– В свободном предпринимателе заговорила совесть, – сказал Иван. – Еще год назад мне удалось убедить его в том, что сбывать спиртное ни в чем не

повинным людям безнравственно.

– Особенно если это делается бесплатно, – сказал бармен и захохотал. Очевидно, он намекал на первую даровую выпивку.

Юра слушал, с удовольствием поедая ледяную, необыкновенно вкусную окрошку. По краю тарелки шла английская надпись, которую Юра перевел так: «Съешь до дна, на дне сюрприз».

– Дело даже не в том, Джойс, что из-за вашей клиентуры приходится содержать в Мирза-Чарле международную полицию, – сказал лениво Иван. – И я оставляю пока в стороне вопрос о том, что именно благодаря преимуществам западных кафе перед советскими человек имеет изумительно легкую возможность потерять свой натуральный человеческий облик. Очень печально глядеть на вас как такового, Джойс. Не на бармена, а на человека. Энергичный мужчина, золотые волосатые руки, далеко не дурак. И чем он занимается? Он торчит за стойкой, как старый торговый автомат, и каждый вечер, слюнявя пальцы, считает грязные бумажки.

– Вы этого не поймете, Иван, – величественно сказал бармен. – Такое понятие, как честь и оборот заведения, для вас чуждо. Кто не знает «Микки Мауса» и Джойса? Во всех углах Вселенной знают мой бар! Куда идут наши пилоты, вернувшиеся с какого-нибудь Юпитера? К «Микки Маусу»! Где наши вербованные бродяги проводят свой последний день на Земле? У «Микки Мауса»! Здесь! У этой вот стойки! Куда идут залить горе или sprыснуть радость? Ко мне! А куда ходите обедать вы, Иван? – Он захохотал. – Вы идете к старому Джойсу! Конечно, вы никогда не заглянете ко мне вечером. Разве что в составе патруля порядка. И я знаю, что в глубине души вы предпочитаете ваши советские кафе. Но почему-то вы все-таки ходите сюда! К «Микки Маусу» или к старому Джойсу – что-то вам нравится, верно? Вот поэтому я и горжусь своим заведением. – Бармен перевел дух и выставил перед собой толстый указательный палец. – И еще одно, – сказал он. – Эти самые грязные бумажки, о которых вы говорите. В вашей сумасшедшей стране все знают, что деньги – это грязь. Но у меня в стране всякий знает, что грязь – это, к сожалению, не деньги. Деньги надо добывать! Для этого летают наши пилоты, для этого вербуются наши рабочие. Я старый человек и, наверное, поэтому никак не могу понять, чем измеряется успех и благополучие у вас. Ведь у вас все вверх ногами. А вот у нас все ясно и понятно. Где сейчас покоритель Ганимеда капитан Эптон? Директор компании «Минералз Лимитэд». Кто сейчас знаменитый штурман Сайрус

Кэмпбэлл? Владелец двух крупнейших ресторанов в Нью-Йорке. Конечно, когда-то их знал весь мир, а теперь они в тени, но зато раньше они были слугами и шли туда, куда их пошлют, а сейчас они сами имеют слуг и посылают их, куда захотят. Я тоже не хочу быть слугой. Я тоже хочу быть хозяином.

Иван сказал задумчиво:

– Кое-чего вы уже достигли, Джойс. Вы не хотите быть слугой. Теперь вам осталась самая малость – перестать хотеть быть господином.

Юра доел крошку и увидел сюрприз. На дне тарелки была надпись: «Это блюдо приготовлено электронной кухонной машиной «Орфей» фирмы «Кибернетикс Лимитэд». Юра отодвинул тарелку и заявил:

– А по-моему, ужасно скучно всю жизнь простоять за стойкой.

Бармен поправил на стене табличку с английской надписью: «Ношение огнестрельного оружия в Мирза-Чарле карается смертью» – и сказал:

– Что значит – скучно? Что такое скучная работа и что такое веселая работа? Работа есть работа.

– Работа должна быть интересной, – сказал Юра.

Бармен пожал плечами:

– Зачем?

– Ну как же так зачем? – сказал Юра удивленно. – Если работа неинтересная, надо... надо... Да кому это надо, чтобы работа была неинтересная? Какой от тебя прок, если ты работаешь без интереса?

– Так его, старого, – сказал Иван.

Бармен тяжело поднялся и заявил:

- Это нечестно. Ты вербуешь себе союзников, Иван. А я один.

- Вас тоже двое, - сказал Иван. Он ткнул пальцем в сторону спящего.

Бармен посмотрел, покачал головой и, собрав грязные тарелки, ушел за стойку.

- Каков орешек, - сказал Иван вполголоса. - Как он про честь заведения, а? Вот тебе бы с ним поспорить. Нипочем бы вы друг друга не поняли. Я вот все пытаюсь нащупать с ним общий язык. В общем-то ведь славный дядька!

Юра упрямо затряс головой.

- Нет, - сказал он. - Никакой он не славный. Самодовольный он и тупой. И жалко его. Ну зачем живет человек? Вот накопит денег, вернется к себе домой. Ну и что дальше?

- Джойс! - рявкнул Иван. - Тут к вам есть один вопрос!

- Иду! - откликнулся бармен.

Он появился из-за стойки и поставил перед Юрой тарелку с отбивной и запотевшую бутылочку виноградного сока.

- За счет заведения, - сказал он, указывая на бутылочку, и сел.

Юра сказал:

- Спасибо, зачем же?

- Слушайте, Джойс, - сказал Иван. - Вот русский мальчик спрашивает, что вы будете делать, когда разбогатеете?

Некоторое время Джойс внимательно глядел на Юру.

- Ладно, - сказал он. - Я знаю, какого ответа ждет мальчик. Поэтому спрошу я. Мальчик вырастет и станет взрослым мужчиной. Вся жизнь он будет заниматься

своей... как это вы говорите... интересной работой. Но вот он состарится и не сможет больше работать. Чем тогда он будет заниматься, этот мальчик?

Иван откинулся на спинку стула и с удовольствием посмотрел на бармена. На лице его было прямо-таки написано: «Каков орешек, а?» Юра почувствовал, что у него запылала уши. Он опустил вилку и растерянно сказал:

– Я... не знаю, я как-то не думал... – Он замолчал.

Бармен серьезно и печально смотрел на него. Медленно ползли ужасные мгновения. Юра сказал с отчаянием:

– Я постараюсь умереть раньше, чем не смогу работать...

Брови бармена полезли на лоб, он испуганно оглянулся на Ивана. В полнейшем смятении Юра заявил:

– И вообще я считаю, что самое важное в жизни для человека – это красиво умереть!

Бармен молча поднялся, потрепал Юру по спине широкой ладонью и удалился за стойку. Иван сказал:

– Ну, брат, спасибо. Удружил. Этак ты мне всю идеологическую работу развалишь.

– Ну почему же? – пробормотал Юра. – Старость... Не работать... Человек должен всю жизнь бороться! Разве не так?

– Все так, – сказал бармен. – Вот я, например, всю жизнь борюсь с налогами.

– Ах, да ведь я не об этом, – сказал Юра, махнул рукой и уткнулся в тарелку.

Иван отпил виноградного сока за счет заведения и неторопливо сказал:

– Между прочим, Джойс, очень интересная деталь. Хотя мой союзник по молодости лет не сказал ничего умного, но, заметьте, он предпочитает лучше умереть, чем жить вашей старостью. Ему просто никогда в голову не приходило, что он будет делать, когда состарится. А вы, Джойс, об этом думаете всю жизнь. И всю жизнь готовитесь к старости. Так-то, старина Джойс.

Бармен задумчиво поскреб мизинцем лысину.

– Пожалуй, – сказал он.

– Вот в этом и разница, – сказал Иван. – И разница, по-моему, не в вашу пользу.

Бармен подумал, снова поскреб лысину и, не сказав ни слова, скрылся за дверью позади стойки.

– Ну вот, – сказал Иван с удовлетворением. – Сегодня я его уел. Между прочим, откуда ты, прелестное дитя?

– Из Вязьмы, – грустно сказал Юра. Он остро переживал свою житейскую несостоятельность.

– И зачем?

– Мне нужно на Рею. – Он взглянул на Ивана и пояснил: – Рея – это один из спутников Сатурна.

– Ах вот как, – сказал Иван. – Интересно. И что тебе надо на Рее?

– Там новое строительство. А я – вакуум-сварщик. Нас было одиннадцать человек, и я отстал от группы, потому что... Ну, в общем, по семейным обстоятельствам. Теперь не знаю, как туда добраться. Вот в шесть часов пойду к начальнику ракетодрома.

– К Майкову?

– Н-нет, – сказал Юра. – То есть я не знаю, как его зовут. В общем, к начальнику ракетодрома.

Иван с интересом его рассматривал.

– Как тебя зовут?

– Юра... Юрий Бородин.

– Так вот что, Юрий Бородин, – сказал Иван и сокрушенно покачал головой. – Боюсь, что тебе придется красиво умереть. Дело в том, что начальник ракетодрома товарищ Майков, как мне это доподлинно известно, вылетел в Москву... – он посмотрел на часы, – двенадцать минут назад.

Это был страшный удар. Юра сразу сник.

– Как так... – пробормотал он. – Мне же сказали...

– Ну-ну, – сказал Иван. – Не нужно огорчаться. Старость еще не наступила. Всякий начальник, улетаю в Москву, оставляет заместителя.

– Правда! – сказал Юра и воспрянул. – Вы меня извините: я должен немедленно пойти и позвонить.

– Иди позвони, – сказал Иван. – Телефон сразу за углом.

Юра вскочил и побежал к телефону.

Когда Юра вернулся, Иван стоял на тропинке перед входом в кафе.

– Ну что? – спросил он.

– Не везет, – с огорчением сказал Юра. – Начальник действительно улетел, а его заместитель сможет принять меня только завтра вечером.

– Вечером? – переспросил Иван.

– Да, после семи вечера.

Иван задумчиво уставился куда-то на кроны акаций.

– Вечером, – повторил он. – Да, это слишком поздно.

– Придется все-таки ночевать в гостинице, – сказал Юра со вздохом. – Пойду возьму номер.

По тропинке приближался, суетливо перебирая коротенькими ножками, толстенький, шикарно одетый человек в пробковом шлеме. Лицо у него было припухшее, с припухшими глазками. Под левым глазом темнела круто запудренная ссадина. Не доходя десяти шагов до Ивана, человек сорвал с головы шлем и, согнув туловище почти пополам, торопливо проскочил в кафе. Иван вежливо ему поклонился.

– Что это он так? – с изумлением спросил Юра.

– Пойдем, пойдем, – сказал Иван. – Нам по дороге.

– Минуточку, – сказал Юра. – Я только расплачусь.

– Я уже расплатился, – сказал Иван. – Пошли.

– Нет, зачем же, – сказал Юра с достоинством. – Деньги у меня есть... Нам всем выдали...

Иван оглянулся на кафе.

– А этот подхалимчик, – сказал он, – это мой добрый знакомый. Краса и гордость международного порта Мирза-Чарле.

Юра тоже оглянулся. «Краса и гордость Мирза-Чарле» уже взгромоздился на высокий табурет перед стойкой.

– Король стинкеро[1 - Stinker – вонючка (англ.)]. Подпольный вербовщик. Самый процветающий мерзавец в городе. Два дня назад напился как свинья и приставал к девушке на улице. Тут я его побил немножко. Теперь он со мной очень любезен.

Они не спеша шли по тенистому зеленому переулку. Стало прохладно. С проспекта Дружбы доносился слитный гул моторов.

– А кого он вербует? – спросил Юра.

– Рабочих, – ответил Иван. – Между прочим, кто тебя рекомендовал на Рею?

– Нас рекомендовал наш завод, – сказал Юра. – А что это за рабочие? Неужели наши вербуются?

Иван удивился.

– Ну зачем же наши? Ребята с Запада. Всякие бедняги, которые с детства думают о старости и мечтают быть какими-нибудь хозяевами. Таких там еще много. Слушай-ка, Юра, – сказал он, – а если ты не доберешься до Реи? Что тогда?

– Ну что вы, – сказал Юра. – Я обязательно доберусь до Реи. Это ж будет очень нехорошо перед ребятами, если я не доберусь. Нас было сто пятьдесят добровольцев, а выбрали только одиннадцать. Как же я могу не добраться? Надо добраться.

Некоторое время они шли молча.

– Ну, вот они вербуются, – сказал Юра. – А потом куда?

– Потом их сажают на корабли и отправляют на астероиды. Вербовщики получают с каждой головы, посаженной в трюм. Поэтому они под видом всяких торговых агентов околачиваются в Мирза-Чарле. И на других международных ракетодромах.

Они вышли на проспект Дружбы и повернули к гостинице. У большого белого дома Иван остановился.

- Мне сюда, - сказал он. - До свидания, Юра Бородин.

- До свидания, - сказал Юра. - Большое спасибо. И простите, что я наговорил ерунды там, в кафе.

- Ничего, - сказал Иван. - Главное, искренне было сказано.

Они пожали друг другу руки.

- Послушай, Юра, - сказал Иван и замолчал.

- Да? - сказал Юра.

- Насчет Реи, - сказал Иван. Он снова помолчал, глядя в сторону. Юра ждал. - Так вот, насчет Реи. Зайди-ка ты, брат, сегодня часов этак в девять вечера в триста шестой номер гостиницы.

- И что? - спросил Юра.

- Что из этого получится, я не знаю, - сказал Иван. - В этом номере ты увидишь человека, очень свирепого на вид. Попробуй убедить его, что тебе очень нужно на Рею.

- А кто он такой? - спросил Юра.

- До свидания, - сказал Иван. - Не забудь: номер триста шесть, после девяти.

Он повернулся и скрылся в белом здании. У входа в здание висела черная пластмассовая доска с белой надписью: «Штаб патрулей порядка. Мирза-Чарле».

- Номер триста шесть, - повторил Юра. - После девяти.

МИРЗА-ЧАРЛЕ. ГОСТИНИЦА, ТРИСТА ШЕСТОЙ НОМЕР

Юра убивал время. За несколько часов он обошел почти весь город. Он очень любил ходить по незнакомым городам и узнавать, что в них есть. В Мирза-Чарле был СЭУК. Под гигантский прозрачный купол не пускали, но теперь Юра знал, что СЭУК – это Система электронного управления и контроля, электронный мозг ракетодрома. Если пойти на север от СЭУК, то попадешь в обширный парк с кинотеатром под открытым небом, с двумя тирами, с большим стадионом, с аттракционом «Человек в ракете», с музыкальными кабинами, с качелями и танцплощадками и с большим прозрачным озером, вокруг которого росли араукарии и пирамидальные тополя и в котором Юра с наслаждением искупался. На южной окраине города Юра обнаружил низкое красное здание, сразу за которым начиналась пустыня. Возле здания стояло несколько квадратных атомокаров и расхаживал голубой полицейский с пистолетом. Полицейский объявил Юре, что красное здание – это тюрьма и что русскому юноше ходить здесь не нужно. К западу от СЭУК располагались жилые кварталы. Там было много больших и маленьких, красивых и не очень красивых домов. Улицы были узкие, без покрытия. Жить там было, по-видимому, очень неплохо – прохладно, тенисто и недалеко от центра. Юре очень понравилось здание городской библиотеки, но заходить туда он не стал. На западной окраине города располагались административные здания, а за ними начинался огромный район, занятый складами.

Склады были бесконечно длинные, серые, из гофрированной пластмассы, с гигантскими белыми цифрами, намалеванными на стенах. Здесь Юра обнаружил такое количество грузовиков и грузовых вертолетов, какого не видел никогда в жизни. От непрерывного плотного рева моторов закладывало уши. Юра не успел сделать и десяти шагов, как позади него отвратительно взвыла сирена, и он отскочил в сторону, к какой-то стене, но стена вдруг раздвинулась, и через широкие, как триумфальная арка, ворота прямо на Юру выползло громадное красно-белое чудище на колесах в два человеческих роста, и с высоты второго этажа на Юру неслышно заорал водитель в тубетейке. Чудовищный грузовик медленно развернулся в узком проезде между складами, а за ним из черных недр уже выползал второй, а за вторым – третий. Юра осторожно пробирался вдоль стен, пышущих жаром, оглушенный ревом, урчанием и тяжелым лязгом невиданных механизмов.

Потом он увидел низкую платформу, на которую грузили знакомые цилиндрические баллоны со смесью для вакуумной сварки. Он подошел поближе и, радостно улыбаясь, встал рядом с человеком, управлявшим погрузкой с помощью переносного пульта на шее. Некоторое время он стоял и смотрел, как стрелы лебедек аккуратно укладывают друг на друга упакованные штабеля баллонов. Потом он деловито сказал:

- Нет, это не пойдет.

- Что не пойдет? - с интересом спросил человек и поглядел на Юру.

- Вот этот баллон не пойдет.

- Почему?

- Вы же видите. У него сбит кран.

Несколько секунд человек колебался.

- Ничего, - сказал он. - Там разберутся.

- Нет уж, - возразил Юра. - Не будем мы там разбираться. Уберите этот штабель.

Человек снял руки с пульта и уставился на Юру. Стрела лебедки замерла, очередной штабель, тихонько покачиваясь, повис в воздухе.

- Это же пустяк, - сказал человек.

- Это здесь пустяк, - снова возразил Юра.

Человек пожал плечами и снова положил руки на пульт. Юра придирчиво проследил за разгрузкой бракованного баллона, вежливо поблагодарил и пошел дальше. Очень скоро он обнаружил, что заблудился. Территория складов представляла собой целый город, улицы и переулки которого были удивительно похожи один на другой. Несколько раз он попадал в переулки, выходявшие прямо в пустыню. В конце таких переулков стояли огромные щиты с надписями: «Назад! Зона опасного излучения!» Быстро темнело, над складами вспыхнули

прожектора. Юра пошел вслед за колонной каких-то машин на широких эластичных гусеницах и неожиданно для себя оказался на шоссе.

Юра знал, что город должен находиться справа, но слева, куда ушла колонна, совсем недалеко мигали разноцветные огоньки, и Юра повернул налево. По обе стороны от шоссе расстилалась пустыня. Здесь не было ни деревьев, ни арыков, только ровный черный горизонт. Солнце давно зашло, но воздух был еще горячий и сухой.

Разноцветные огоньки мигали над шлагбаумом. Сбоку от шлагбаума стоял небольшой грибообразный домик. Возле домика на скамеечке под фонарем сидел полицейский, держа на коленях голубую каску.

Другой полицейский расхаживал перед шлагбаумом. Увидев Юру, он остановился и пошел навстречу. У Юры екнуло сердце. Полицейский подошел вплотную и протянул руку.

– Пейпарс! – лающим голосом сказал он.

«Кажется, влип, – подумал Юра. – Если меня здесь задержат... Да пока будут выяснять... И зачем меня сюда понесло!..» Он торопливо полез в карман. Полицейский ждал с протянутой рукой. Второй полицейский надел каску и поднялся.

– Вейт э минут, – пробормотал Юра. – Сейчас... Сию минуту... Фу ты, елки-палки, куда она запропастилась...

Полицейский опустил руку.

– Русский? – спросил он.

– Да, – сказал Юра. – Сейчас... Видите ли, у меня только рекомендация от предприятия... Вязьминский завод металлоконструкций... – Он наконец извлек рекомендацию.

– Не надо, – сказал полицейский неожиданно добродушно.

Подошел второй полицейский и спросил:

- What's the matter? The chap hasn't got his papers?[2 - Что случилось? У парня нет документов? (англ.)]

- Нет, - сказал первый полицейский. - Это русский.

- А, - равнодушно сказал второй. Он повернулся и пошел обратно к своей скамейке.

- Я просто хотел посмотреть, что здесь, - сказал Юра.

- Здесь ракетодром, - сказал полицейский охотно. - Вон там. - Он показал рукой за шлагбаум. - Но туда нельзя.

- Нет-нет, - торопливо сказал Юра. - Я только посмотреть.

- Посмотреть можно, - сказал полицейский. Он пошел к шлагбауму. Юра двинулся за ним. - Это ракетодром, - повторил полицейский.

Под яркими среднеазиатскими звездами слабо мерцала плоская, словно остекленевшая равнина. Далеко впереди, там, куда уходило шоссе, вспыхивали неяркие зарницы и перебегали лучи прожекторов, выхватывая из темноты гигантские туманные силуэты. Время от времени над равниной прокатывался слабый рокочущий грохот.

«Космические корабли», - с удовольствием подумал Юра. Он, конечно, знал, что Мирза-Чарле, как и все другие ракетодромы на Земле, служит только для возлеземных сообщений, что настоящие планетолеты, фотонные ракеты типа «Хиус», «Джон Браун», «Янцзы», слишком громадны и могучи, чтобы стартовать прямо с Земли, но и эти темные силуэты за горизонтом тоже выглядели достаточно внушительно.

- Ракеты, ракеты, - неторопливо проговорил полицейский. - Сколько людей улетает туда! - Он поднял к черному небу голубую светящуюся дубинку. - Каждый со своими надеждами. И сколько их возвращается в свинцовых запаянных гробах! Вот здесь, у этого шлагбаума, мы выстраиваем траурный

караул. Дух захватывает от их настойчивости! И все-таки, наверное, есть там, – он снова поднял дубинку, – есть там кто-то, кому очень не нравится эта настойчивость...

Горизонт вдруг озарился ослепительной вспышкой, огненная длинная струя ударила в небо и рассыпалась каскадом искр. Бетон под ногами задрожал. Полицейский поднял к глазам часы.

– Двадцать-двенадцать, – сказал он. – Вечерний лунник.

В небе загрохотало. Громовые раскаты слабели, удаляясь, и наконец затихли совсем.

– Мне пора, – сказал Юра. – Как тут побыстрее добраться до города?

– Идите пешком, – ответил полицейский. – У поворота на склад поймаете попутную машину.

Когда в половине десятого Юра добрался до гостиницы, вид у него был несколько взъерошенный и ошеломленный. Вечерний Мирза-Чарле был совершенно не похож на Мирза-Чарле днем. По улицам, пересеченным резкими черными тенями, сплошным потоком двигались автомобили. Огни реклам озаряли толпы на тротуарах. Двери всех баров и кафе были распахнуты настежь. Там ревели музыка и было сизо от табачного дыма. Пьяные иностранцы брели по тротуарам, обнявшись по трое, по четверо, горланя незнакомые песни. Через каждые двадцать-тридцать шагов стояли полицейские с каменными лицами под низко опущенными касками. Сквозь шевелящуюся толпу спокойно и неторопливо проходили тройки крепких молодых ребят с красными повязками на рукавах. Это были патрули порядка. Юра видел, как один такой патруль зашел в бар, и там мгновенно воцарилась тишина, и даже музыка перестала играть. У патрулей были скучающие брезгливые лица. Из другого бара, уже недалеко от гостиницы, двое с маленькими усиками вышвырнули на тротуар какого-то несчастного и принялись топтать его ногами. Несчастный громко кричал по-французски: «Патруль! На помощь! Убивают!» Юра, стиснув от омерзения зубы, прицелился уже дать в ухо одному из этих усатеньких, но тут его очень бесцеремонно отстранили, и длинная жилистая рука с красной повязкой ухватила одного из усатеньких за ворот. Другой усатенький пригнулся и нырнул в бар. Патруль небрежно стряхнул добычу в объятия подоспевших полицейских, и те, завернув

усатенькому руки за спину, почти бегом поволокли его в ближайший переулок. Юра успел заметить, как один из полицейских, воровато оглянувшись на патрулей, изо всех сил стукнул усатенького по макушке светящейся дубинкой. Жаль, не успел я его, подумал Юра. На минуту ему даже расхотелось лететь на Рею. Захотелось надеть красную повязку и присоединиться к этим крепким, уверенным молодым ребятам.

- Ну и порядочки тут у вас! - вернувшись в гостиницу, возбужденно сказал Юра администратору. - Какое-то клопиное гнездо!..

- Вы о чем? - испуганно спросила администратор.

Юра пришел в себя.

- Да на улицах, понимаете, - сказал он, - такое болото!..

- Международный порт, пока приходится терпеть, - сказала администратор с улыбкой. - Ну, как ваши дела?

- Еще не знаю, - сказал Юра. - Скажите, пожалуйста, как пройти в триста шестой номер?

- Поднимитесь в лифте, третий этаж, направо.

- Спасибо, - сказал Юра и направился к лифту.

Он поднялся на третий этаж и сразу нашел дверь номера триста шесть. Перед дверью он остановился и в первый раз подумал, как, что и, главное, кому он скажет. Ему вспомнились слова Ивана о свирепом на вид человеке. Он старательно пригладил волосы и осмотрел себя. Потом он постучал.

- Войдите, - произнес за дверью низкий хриловатый голос.

Юра вошел.

В комнате за круглым столом, накрытым белой скатертью, сидели два пожилых человека. Юра остолбенел: он узнал их обоих, и это было настолько неожиданно,

что на мгновение ему показалось, что он ошибся дверью. Лицом к нему, уперев в него маленькие недобрые глаза, сидел известный Быков, капитан прославленного «Тахмасиба», угрюмый и рыжий – такой, как на стереофото над столом Юриного старшего брата. Лицо другого человека, небрежно развалившегося в легком плетеном кресле, породистое, длинное, с брезгливой складкой около полных губ, было тоже удивительно знакомо. Юра никак не мог вспомнить имени этого человека, но был совершенно уверен, что видел его когда-то и, может быть, даже несколько раз. На столе стояла длинная темная бутылка и один бокал.

– Что вам? – глуховато спросил Быков.

– Это триста шестой номер? – неуверенно спросил Юра.

– Да-а, – бархатно и раскатисто ответил человек с породистым лицом. – Вам кого, юноша?

«Да ведь это Юрковский! – вспомнил Юра. – Планетолог с Венеры. Про них есть кино...»

– Я... я не знаю... – проговорил он. – Понимаете, мне нужно на Рею... Сегодня один товарищ...

– Фамилия? – сказал Быков.

– Чья? – не понял Юра.

– Ваша фамилия!

– Бородин... Юрий Михайлович Бородин.

– Специальность?

– Вакуум-сварщик.

– Документы.

Второй раз за последние два часа (и вообще в жизни) Юра полез за документами. Быков выжидательно глядел на него. Юрковский лениво потянулся к бутылке и налил себе вина.

– Вот, пожалуйста, – сказал Юра. Он положил рекомендацию на стол и снова отступил на несколько шагов.

Быков достал из нагрудного кармана огромные старомодные очки и, приставив их к глазам, очень внимательно и, как показалось Юре, дважды прочитал документ, после чего передал его Юрковскому.

– Как случилось, что вы отстали от своей группы? – резко спросил он.

– Я... Понимаете, по семейным обстоятельствам...

– Подробнее, юноша, – пророкотал Юрковский. Он читал рекомендацию, держа ее в вытянутой руке и отхлебывая из бокала.

– Понимаете, у меня внезапно заболела мама, – сказал Юра. – Приступ аппендицита. Понимаете, я никак не мог уехать. Брат в экспедиции... Отец на полюсе сейчас... Я не мог...

– Ваша мама знает, что вы вызвались добровольцем в космос? – спросил Быков.

– Да, конечно.

– Она согласилась?

– Д-да...

– Невеста есть?

Юра помотал головой. Юрковский аккуратно сложил рекомендацию и положил ее на край стола.

– Скажите, юноша, – спросил он, – а почему вас... э-э... не заменили?

Юра покраснел.

– Я очень просил, – ответил он тихо. – И все думали, что я догоню. Я опоздал всего на сутки...

Воцарилось молчание, и было слышно, как на проспекте Дружбы вразноголосицу орут «варяжские гости». Не то залившие горе, не то спрыснувшие радость. Возможно, у старого Джойса.

– У вас есть... э-э... знакомые в Мирза-Чарле? – осторожно спросил Юрковский.

– Нет, – сказал Юра. – Я только сегодня приехал. Я только познакомился в кафе с одним товарищем. Иваном его зовут, и он...

– А куда вы обращались?

– К дежурному по пассажирским перевозкам и к администратору гостиницы.

Быков и Юрковский переглянулись. Юре показалось, что Юрковский чуть-чуть отрицательно покачал головой.

– Ну, это еще не страшно, – проворчал Быков.

Юрковский сказал неожиданно резко:

– Совершенно не понимаю, зачем нам пассажир.

Быков думал.

– Честное слово, я никому не буду мешать, – убедительно сказал Юра. – И я готов на все.

– Готов даже красиво умереть, – проворчал Быков.

Юра прикусил губу. «Дрянь дело, – думал он. – Ох и плохо же мне. Ох плохо...»

– Мне очень надо на Рею, – сказал он. Он вдруг с полной отчетливостью осознал, что это его последний шанс и что на завтрашний разговор с заместителем начальника рассчитывать не стоит.

– Мм? – сказал Быков и посмотрел на Юрковского.

Юрковский пожал плечами и, подняв бокал, стал смотреть сквозь него на лампу. Тогда Быков поднялся из-за стола – Юра даже попятился, такой он оказался громадный и грузный – и, шаркая домашними туфлями, направился в угол, где на спинке стула висела потертая кожаная куртка. Из кармана куртки он извлек плоский блестящий футляр радифона. Юра, затаив дыхание, смотрел ему в спину.

– Шарль? – глухо осведомился Быков. Он прижимал к уху гибкий шнур с металлическим шариком на конце. – Это Быков. Регистр «Тахмасиба» еще у тебя? Впиши в состав экипажа для спецрейса 17... Да, я беру стажера... Да, начальник экспедиции не возражает. (Юрковский сильно поморщился, но промолчал.) Что? Сейчас. – Быков повернулся к Юре, протянул руку и нетерпеливо пощелкал пальцами. Юра бросился к столу, схватил рекомендацию и вложил в пальцы. – Сейчас... Так... От коллектива Вязьминского завода металлоконструкций... Боже мой, Шарль, это совершенно не твое дело! В конце концов, это спецрейс!.. Да. Даю: Бородин Юрий Михайлович... Восемнадцать лет. Да, именно восемнадцать. Вакуум-сварщик... Стажер... Зачислен моим приказом от вчерашнего числа. Прошу тебя, Шарль, немедленно подготовь для него документы. Нет, не он, я сам заеду... Завтра утром. До свиданья, Шарль, спасибо.

Быков медленно свернул шнур и сунул радифон обратно в карман куртки.

– Это незаконно, Алексей, – негромко сказал Юрковский.

Быков вернулся к столу и сел.

– Если бы ты знал, Владимир, – сказал он, – без скольких законов я могу обойтись в пространстве. И без скольких законов нам придется обойтись в этом рейсе. Стажер, можете сесть, – сказал он Юре.

Юра торопливо и очень неудобно сел. Быков взял телефонную трубку.

- Жилин, зайди ко мне. - Он повесил трубку. - Возьмите ваши документы, стажер. Подчиняться будете непосредственно мне. Ваши обязанности вам разъяснит бортинженер Жилин, который сейчас придет.

- Алексей, - величественно сказал Юрковский. - Наш... э-э... кадет еще не знает, с кем имеет дело.

- Нет, я знаю, - сказал Юра. - Я вас сразу узнал.

- О! - удивился Юрковский. - Нас еще можно узнать?

Юра не успел ответить. Дверь распахнулась, и на пороге появился Иван в той же самой клетчатой рубашке.

- Прибыл, Алексей Петрович, - весело сообщил он.

- Принимай своего крестника, - буркнул Быков. - Это наш стажер. Закрепляю его за тобой. Сделай отметку в журнале. А теперь забирай его к себе и до самого старта не спускай с него глаз.

- Слушаю, - сказал Жилин, снял Юру со стула и вывел в коридор. Юра медленно осознавал происходящее.

- Это вы - Жилин? - спросил он. - Бортинженер?

Жилин не ответил. Он поставил Юру перед собой, отступил на шаг и спросил страшным голосом:

- Водку пьешь?

- Нет, - испуганно ответил Юра.

- В бога веруешь?

- Нет.

– Истинно межпланетная душа! – удовлетворенно сказал Жилин. – Когда прибудем на «Тахмасиб», дам тебе поцеловать ключ от стартера.

3

МАРС. АСТРОНОМЫ

Матти, прикрыв глаза от слепящего солнца, смотрел на дюны. Краулера видно не было. Над дюнами стояло большое облако красноватой пыли, слабый ветер медленно относил его в сторону. Было тихо, только на пятиметровой высоте шелестела вертушка анемометра. Затем Матти услышал выстрелы – «пок, пок, пок, пок», – четыре выстрела подряд.

– Мимо, конечно, – сказал он.

Обсерватория стояла на высоком плоском холме. Летом воздух всегда был очень прозрачен, и с вершины холма хорошо просматривались белые купола и параллелепипеды Теплого Сырта в пяти километрах к югу и серые развалины Старой Базы на таком же плоском высоком холме в трех километрах к западу. Но сейчас Старую Базу закрывало облако пыли. «Пок, пок, пок», – снова донеслось оттуда.

– Стрелки, – горестно сказал Матти. Он осмотрел наблюдательную площадку. – Вот подлюга, – сказал он.

Широкоугольная камера была повалена. Метеобудка покосилась. Стена павильона телескопа была забрызгана какой-то желтой гадостью. Над дверью павильона зияла свежая дыра от разрывной пули. Лампочка над входом была разбита.

– Стрелки, – повторил Матти.

Он подошел к павильону и ощупал пальцами в меховой перчатке края пробоины. Он подумал о том, что может натворить разрывная пуля в павильоне, и ему стало нехорошо. В павильоне стоял очень хороший телескоп с прекрасно

исправленным объективом, регистратор мерцаний, блинк-автоматы – аппаратура редкая, капризная и сложная. Блинк-автоматы боятся даже пыли, их приходится закрывать герметическим чехлом. А что может сделать чехол против разрывной пули?

Матти не пошел в павильон. «Пусть они сами посмотрят, – подумал он. – Сами стреляли, пусть сами и смотрят». Честно говоря, ему было просто страшно заходить туда. Он положил карабин на песок и, поднатужась, поднял камеру. Одна нога треножника была погнута, и камера встала криво.

– Подлюга! – сказал Матти с ненавистью. Он занимался метеоритными съемками, и камера была его единственным инструментом. Он пошел через всю площадку к метеобудке. Пыль на площадке была изрыта, Матти со злостью топтал характерные округлые ямы – следы «летучей пиявки». «Почему она все время лезет на площадку? – думал он. – Ну, ползала бы вокруг дома. Ну, вломилась бы в гараж. Нет, она лезет на площадку. Человечиной здесь пахнет, что ли?»

Дверца метеобудки была погнута и не открывалась. Матти безнадежно махнул рукой и вернулся к камере. Он свинтил камеру, с трудом снял ее и кряхтя положил на разостланный брезент. Потом он взял треногу и понес в дом. Он оставил треногу в мастерской и заглянул в столовую. Наташа сидела у радиации.

– Сообщила? – спросил Матти.

– Ты знаешь, у меня просто руки опускаются, – сердито сказала она. – Честное слово, проще сбегать туда.

– А что? – спросил Матти.

Наташа резко повернула регулятор громкости. Низкий усталый голос загудел в комнате:

– Седьмая, седьмая, говорит Сырт. Почему нет сводки? Слышите, седьмая? Давайте сводку!

Седьмая забубнила цифрами.

- Сырт! – сказала Наташа. – Сырт! Говорит первая!

- Первая, не мешайте, – сказал усталый голос. – Имейте терпение.

- Ну вот, пожалуйста, – сказала Наташа и повернула регулятор громкости в обратную сторону.

- А что ты, собственно, хочешь им сообщить? – спросил Матти.

- Про то, что случилось, – ответила Наташа. – Ведь это чепэ.

- Ну уж и чепэ, – возразил Матти. – Каждую ночь у нас такое чепэ.

Наташа задумчиво подперла кулачком щеку.

- А знаешь, Матти, – сказала она, – ведь сегодня первый раз пиявка пришла днем.

Матти всей горстью взялся за физиономию. Это была правда. Прежде пиявки приходили либо поздно ночью, либо перед самым восходом солнца.

- Да, – сказал он. – Да-а-а. Я это понимаю так: обнаглели.

- Я это тоже так понимаю, – заметила Наташа. – Что там, на площадке?

- Ты лучше сама сходи посмотри, – сказал Матти. – Камеру мою изуродовало. Мне сегодня не наблюдать.

- Ребята там? – спросила Наташа.

Матти замялся.

- Да, в общем, там, – сказал Матти и неопределенно махнул рукой.

Он вдруг представил себе, что скажет Наташа, когда увидит пулевую пробоину над дверью павильона.

Наташа снова повернулась к рации, и Матти тихонько прикрыл за собой дверь. Он вышел из дома и увидел краулер. Краулер летел на предельной скорости, лихо прыгая с бархана на бархан. За ним до самых звезд вставала плотная стена пыли, и на этом красно-желтом фоне очень эффектно выделялась могучая фигура Пенькова, стоявшего во весь рост с упертым в бок карабином. Вел краулер, конечно, Сергей.

Он направил машину прямо на Матти и намертво затормозил в пяти шагах. Густое облако пыли заволокло наблюдательную площадку.

- Кентавры, - сказал Матти, протирая очки. - Лошадиная голова на человеческом туловище.

- А что? - сказал Сергей, соскакивая.

За ним неторопливо спустился Пеньков.

- Ушла, - сказал он.

- По-моему, ты в нее попал, - сказал Сергей.

Пеньков важно кивнул.

- По-моему, тоже, - сказал он.

Матти подошел к нему и крепко взял за рукав меховой куртки.

- А ну-ка пойдём, - сказал он.

- Куда? - осведомился Пеньков, сопротивляясь.

- Пойдем, пойдём, стрелок, - сказал Матти. - Я тебе покажу, куда ты попал наверняка.

Они подошли к павильону и остановились перед дверью.

- Ух ты, - сказал Пеньков.

Сергей, не говоря ни слова, кинулся внутрь.

- Наташка видела? - быстро спросил Пеньков.

- Нет еще, - сказал Матти.

Пеньков с задумчивым видом ощупывал края дыры.

- Это так сразу не заделаешь, - сказал он.

- Да, запасного павильона на Сырте нет, - ядовито сказал Матти.

Месяц назад Пеньков, стреляя ночью в пиявок, пробил метеобудку. Тогда он отправился на Сырт и где-то достал там запасную. Пробитую будку он спрятал в гараже.

Сергей крикнул из павильона:

- Кажется, все в порядке!

- А есть там выходное отверстие? - спросил Пеньков.

- Есть...

Раздалось мягкое жужжание, крыша павильона раздвинулась и сдвинулась снова.

- Кажется, обошлось, - объявил Сергей и вылез из павильона.

- А у меня треногу помяло, - сказал Матти. - А метеобудку так покалечило, что придется опять новую доставать.

Пеньков мельком взглянул на будку и снова уставился на зияющую дыру. Сергей стоял рядом с ним и тоже смотрел на дыру.

– Будку я выправлю, – уныло сказал Пеньков. – А вот что с этим делать...

– Наташа идет, – негромко предупредил Матти.

Пеньков сделал движение, как будто собирался куда-то скрыться, но только втянул голову в плечи. Сергей быстро заговорил:

– Здесь пробоина небольшая, Наташенька, но это ерунда, мы ее сегодня же быстро заделаем, а внутри все цело...

Наташа подошла к ним, взглянула на пробоину.

– Свиньи вы, ребята, – тихо сказала она.

Теперь скрыться куда-нибудь захотелось всем, даже Матти, который был совсем ни в чем не виноват и выбежал на площадку последним, когда уже все кончилось. Наташа вошла в павильон и зажгла свет. В раскрытую дверь было видно, как она снимает футляры с блинк-автоматов. Пеньков длинно и тоскливо вздохнул. Сергей тихонько сказал:

– Пойду загоню машину.

Ему никто не ответил, он полез в краулер и завел мотор. Матти молча вернулся к своей камере и, согнувшись пополам, поволок ее в дом. Перед павильоном осталась только унылая, нелепо громоздкая фигура Пенькова.

Матти втащил камеру в мастерскую, снял кислородную маску, капюшон и долго возился, расстегивая просторную доху. Затем, не снимая унтов, он сел на стол возле камеры. В окно ему было видно, как необыкновенно медленно, словно на цыпочках, проехал в гараж краулер.

Наташа вышла из павильона и плотно закрыла за собой дверь. Потом она пошла через площадку, останавливаясь перед приборами. Пеньков плелся следом и, судя по всему, длинно и тоскливо вздыхал. Тучи пыли уже осели, маленькое красноватое солнце висело над черными, словно обглоданными, руинами Старой Базы, поросшими колючим марсианским саксаулом. Матти посмотрел на низкое солнце, на быстро темнеющее небо, вспомнил, что он сегодня дежурный, и

отправился на кухню.

За ужином Сергей сказал:

- Наташенька наша сегодня серьезная, - и испытующе посмотрел на Наташу.

- Да ну вас, в самом деле, - сказала Наташа. Она ела, ни на кого не глядя, очень сердитая и нахмуренная.

- Сердитая Наташенька наша, - сказал Сергей.

Пеньков длинно и тоскливо вздохнул. Матти скорбно покачал головой.

- Не любит нас сегодня Наташенька, - добавил Сергей нежно.

- Ну правда, ну что это такое, - заговорила Наташа. - Ведь договорились же не стрелять на площадке. Ведь это же не тир все-таки. Там приборы... Вот разбили бы сегодня блинки, куда бы пошли? Где их взять?

Пеньков преданными глазами смотрел на нее.

- Ну что ты, Наташенька, - сказал Сергей. - Как можно попасть в блинк?

- Мы стреляем только по лампочкам, - проворчал Матти.

- Вот продырявили павильон, - сказала Наташа.

- Наташенька! - закричал Сережа. - Мы принесем другой павильон! Пеньков сбегает на Сырт и принесет. Он ведь у нас здоровенный!

- Да ну вас, - сказала Наташа. Она уже больше не сердилась.

Пеньков оживился.

- Когда же в нее стрелять, как не на площадке?..- начал он, но Матти наступил ему под столом на ногу, и он замолчал.

- Ты, Володя, действительно просто ужас какой неуклюжий, - сказала Наташа. - Огромное чудовище ростом со шкаф, и ты целый месяц не можешь в него попасть.

- Я сам удивляюсь, - честно сказал Пеньков и сильно почесал затылок. - Может, прицел сбит?

- Гнутие ствола, - сказал ядовито Матти.

- Все равно, ребята, теперь этим забавам конец, - сказала Наташа. Все посмотрели на нее. - Я говорила с Сыртом. Сегодня пиявки напали на группу Азизбекова, на геологов, на нас и на участок нового строительства. И все среди бела дня.

- И все к западу и к северу от Сырта, - сказал Сергей.

- Да, в самом деле, - сказала Наташа. - А я и не сообразила. Ну, как бы то ни было, решено провести облаву.

- Это здорово, - сказал Пеньков. - Наконец-то.

- Завтра утром будет совещание, вызывают всех начальников групп. Я поеду, а ты останешься за старшего, Сережа. Да, и еще. Наблюдать сегодня не будем, ребята. Начальство распорядилось отменить все ночные работы.

Пеньков перестал есть и грустно посмотрел на Наташу. Матти сказал:

- Мне-то все равно, у меня камера полетела. А вот у Пенькова полетит программа, если он пропустит пару ночей.

- Я знаю, - сказала Наташа. - У всех летит программа.

- А может быть, я как-нибудь потихонечку, - сказал Пеньков, - незаметно.

Наташа замотала головой.

- И слышать не хочу, - сказала она.

- А может... - начал Пеньков, и Матти снова наступил ему на ногу.

Пеньков подумал: «И правда, чего слова тратить. Все равно все будут наблюдать».

- Какой сегодня день? - спросил Сергей. Он имел в виду день декады.

- Восьмой, - сказал Матти.

Наташа покраснела и стала глядеть всем в глаза по очереди.

- Что-то Рыбкина давно нет, - сказал Сергей, наливая себе кофе.

- Да, действительно, - глубокомысленно сказал Пеньков.

- И время уже позднее, - добавил Матти. - Уж полночь близится, а Рыбкина все нет...

- О! - сказал Сергей и поднял палец. В тамбуре звякнула дверь шлюза. - Это он! - торжественным шепотом провозгласил Сергей.

- Вот чудачки, вот чудачки, - сказала Наташа и смущенно засмеялась.

- Не трогайте Наташеньку, - потребовал Сережа. - Не смейте над нею смеяться.

- Вот он сейчас придет, он нам посмеется, - сказал Пеньков.

В дверь столовой постучали. Сергей, Матти и Пеньков одновременно приложили пальцы к губам и значительно посмотрели на Наташу.

- Ну что же вы? - шепотом сказала Наташа. - Отзовитесь же кто-нибудь...

Матти, Сергей и Пеньков одновременно замотали головами.

- Войдите! - с отчаянием сказала Наташа.

Вошел Рыбкин, как всегда аккуратный и подтянутый, в чистом комбинезоне, в белоснежной сорочке с отложным воротником, безукоризненно выбритый. Лицо его, как и у всех Следопытов, производило странное впечатление: дочерна загорелые скулы и лоб, белые пятна вокруг глаз и белая нижняя часть лица там, где кожу прикрывают очки и кислородная маска.

- Можно? - сказал он тихо. Он всегда говорил очень тихо.

- Садитесь, Феликс, - пригласила Наташа.

- Ужинать будешь? - спросил Матти.

- Спасибо, - сказал Рыбкин. - Лучше чашечку кофе.

- Что-то ты сегодня запоздал, - сказал прямодушный Пеньков, наливая ему кофе.

Сергей скорчил ужасную мину, а Матти пнул Пенькова под столом ногой.

Рыбкин спокойно принял кофе.

- Я пришел полчаса назад, - сказал он, - и прошелся вокруг дома. Я вижу, сегодня у вас тоже побывала пиявка.

- Сегодня у нас тут была баталия, - сказала Наташа.

- Да, - сказал Рыбкин. - Я видел пробоину в павильоне.

- Наши карабины страдают гнутием ствола, - объяснил Матти.

Рыбкин засмеялся. У него были маленькие ровные белые зубы.

- А тебе приходилось попадать хоть в одну пиявку? - спросил Сергей.

- Вероятно, нет, - сказал Феликс. - В них очень трудно попасть.

- Это я и сам знаю, - проворчал Пеньков.

Наташа, опустив глаза, крошила хлеб.

- Сегодня у Азизбекова одну убили, - сказал Рыбкин.

- Да ну? - изумился Пеньков. - Кто?

Рыбкин опять засмеялся.

- Да никто, - сказал он. Он мельком поглядел на Наташу. - Забавная штука - сорвалась стрела экскаватора и раздавила ее. Наверное, кто-нибудь попал в трос.

- Вот это выстрел, - сказал Сергей.

- Это мы тоже умеем, - сказал Матти. - На бегу, с тридцати шагов прямо в лампочку над дверью.

- Вы знаете, ребята, - сказал Сергей, - у меня такое впечатление, что все карабины на Марсе страдают гнутием ствола.

- Нет, - сказал Феликс. - Потом обнаружили, что в пиявку у Азизбекова попало шесть пуль.

- Вот скоро будет облава, - сказал Пеньков, - мы им тогда покажем, где раки зимуют.

- А я этой облаве вот ни столечко не радуюсь, - сказал Матти. - Спокон веков у нас так: бах-трах-тарарах, перебьют всю живность, а потом начинают устраивать заповедники.

- Что это ты? - сказал Сергей. - Ведь они же мешают.

– Вот нам все мешает, – сказал Матти. – Кислорода мало – мешает, кислорода много – мешает, лесу много – мешает, руби лес... Кто мы такие, в конце концов, что нам все мешает?

– Салат был, что ли, плохой? – задумчиво сказал Пеньков. – Так ты его сам готовил...

– Не попадайся, не попадайся, Пеньков, – сказал Сергей. – Он просто хочет затеять общий разговор. Чтобы Наташенька высказалась.

Феликс внимательно посмотрел на Сергея. У него были большие светлые глаза, и он очень редко мигал. Матти усмехнулся.

– А может быть, вовсе не они нам мешают, – сказал он, – а мы им.

– Ну? – буркнул Пеньков.

– Я предлагаю рабочую гипотезу, – сказал Матти. – Летучие пиявки есть коренные разумные обитатели Марса, хотя они находятся пока на низкой ступени развития. Мы захватили районы, где есть вода, и они намерены нас выжить.

Пеньков ошарашенно смотрел на него.

– Что ж, – сказал он. – Возможно.

– Да ты спорь с ним, спорь, – сказал Сергей. – А то так ему никакого удовольствия.

– Все говорит за мою гипотезу, – продолжал Матти. – Живут они в подземных городах. Нападают всегда справа – потому что у них такое табу. И... э-э... они всегда уносят своих раненых...

– Ну, братец... – разочарованно сказал Пеньков.

– Феликс, – сказал Сергей, – уничтожь это изящное рассуждение.

Феликс сказал:

– Такая гипотеза уже выдвигалась. (Матти изумленно поднял брови.) Давно. До того, как была убита первая пиявка. Сейчас выдвигаются гипотезы поинтереснее.

– Ну? – спросил Пеньков.

– До сих пор никто не объяснил, почему пиявки нападают на людей. Не исключена возможность, что это у них очень древняя привычка. Напрашивается мысль, не обитает ли на Марсе все-таки раса двуногих прямоходящих.

– Обитает, – сказал Сергей. – Тридцать лет уже обитает.

Феликс вежливо улыбнулся.

– Можно надеяться, что пиявки наведут нас на эту расу.

Некоторое время все молчали. Матти с завистью смотрел на Феликса. Он всегда завидовал людям, перед которыми стоят такие задачи. Выслеживать летучих пиявок – занятие само по себе увлекательное, а если при этом еще ставится такая задача...

...Матти мысленно перебрал все интересные задачи, которые пришлось решать ему самому за последние пять лет. Интереснее всего было конструирование дискретного искателя-охотника на хемостазерах. Патрульная камера превращалась в огромный любопытный глаз, следящий за появлением и движением «посторонних» световых точек на ночном небе. Сережка бегал по ночным дюнам, время от времени мигая фонариком, а камера бесшумно и жутко разворачивалась вслед за ним, следя за каждым его движением... «Что ж, – подумал Матти, – это тоже было интересно».

Сергей вдруг сказал с досадой:

– До чего же мы ничего не знаем! (Пеньков перестал тянуть с шумом кофе из чашки и поглядел на него.) И до чего не стремимся узнать! День за днем, декада за декадой бродим по шею в тоскливых мелочах... Копаемся в электронике,

ломаем сумматоры, чиним сумматоры, чертим графики, пишем статейки, отчетики... Противно! – Он взялся за щеки и с силой потер лицо. – Прямо за оградой на тысячи километров протянулся совершенно незнакомый, чужой мир. И так хочется плюнуть на все и пойти куда глаза глядят через пустыню искать настоящего дела... Стыдно, ребята. Это же смешно и стыдно сидеть на Марсе и ничего не видеть, кроме блинк-регистраграмм и пеньковской унылой физиономии двадцать четыре часа в сутки...

Пеньков сказал мягко:

– А ты плюнь, Серега. И иди себе. Попросись к строителям. Или вот к Феликсу. – Он повернулся к Феликсу. – Возьмете его, а?

Феликс пожал плечами.

– Да нет, Пеньков, дружище, не поможет это. – Сергей, поджав губы, помотал светлым чубом. – Надо что-то уметь. А что я умею? Чинить блинки... Считать до двух и интегрировать на малой машине. Краулер умею водить, да и то не профессионально... Что я еще умею?

– Нить ты умеешь профессионально, – сказал Матти. Ему было неловко за Сережку перед Феликсом.

– Я не ною. Я злюсь. До чего мы самодовольны и самоограничены! И откуда это берется? Почему считается, что найти место для обсерватории важнее, чем пройти планету по меридиану, от полюса до полюса? Почему важнее искать нефть, чем тайны? Что нам – нефти не хватает?

– Что тебе – тайн не хватает? – сказал Матти. – Сел бы и решил ограниченную Т-задачу...

– Да не хочу я ее решать! Скучно ее решать, бедный ты мой Матти! Скучно! Я же здоровый, сильный парень, я гвозди гну пальцами... Почему я должен сидеть над бумажками?

Он замолчал. Молчание было тяжелым, и Матти подумал, что неплохо было бы переменить тему, но не знал, как это сделать.

Наташа сказала:

– Я с Сережкой вообще-то не согласна, но это верно: мы немножко слишком погрязли в обычных делах. И такая иногда берет досада... Ну, пусть не мы, пусть кто-нибудь все-таки занялся бы Марсом как новой землей. Все-таки ведь это не остров, даже не континент – терра инкогнита, – это же планета! А мы тридцать лет сидим тут тихонько и трусливо, жмемся к воде и ракетодромам. И мало нас до смешного. Это правда досадно. Сидит там кто-нибудь в управлении, какой-нибудь убеленный старец с боевым прошлым, и брюзжит: «Рано, рано».

Услыхав слово «рано», Пеньков вздрогнул и посмотрел на часы.

– Ох, мать честная, – пробормотал он, вылезая из-за стола. – Я уже две звезды здесь с вами просидел. – Тут он посмотрел на Наташу, открыл рот и торопливо сел. У него было такое забавное лицо, что все, даже Сергей, засмеялись.

Матти вскочил и подошел к окну.

– А ночь-то какая! – сказал он. – Качество изображения сегодня, наверное, наводит изумление. – Он оглянулся через плечо на Наташу.

Феликс оживился.

– Наташа, – сказал он, – если нужно, я могу посторожить, пока вы будете работать.

– А как же вы... Ведь вам пора идти... – Наташа покраснела. – Я хочу сказать, что обычно вы в это время уходите...

– Чего нас сторожить? – сказал Матти. – Я и сам могу посторожить. У меня все равно камера полетела.

– Так я пойду одеваться, – сказал Пеньков.

– Ну ладно, – уступила Наташа. – Во изменение моего приказа от семи часов вечера...

Пенькова уже не было. Сергей тоже поднялся и, ни на кого не глядя, вышел. Матти стал собирать со стола, и Феликс, аккуратно засучивая рукава, подошел к нему.

- Давайте я помогу, - предложил Феликс.

- А что тут помогать, - возразил Матти. - Пять чашек, пять тарелок...

Он взглянул на руки Феликса и осекся.

- А это зачем? - спросил он с удивлением. На правом и левом запястье у Феликса было по две пары часов.

Феликс серьезно сказал:

- Это тоже одна гипотеза. Так вы сами помоеете?

- Сам, - сказал Матти. «Странный все-таки парень этот Феликс», - подумал он.

- Тогда я пойду, - сказал Феликс и вышел.

Рация в углу комнаты вдруг зашипела, щелкнула, и густой усталый голос сказал:

- Первая, говорят Сырт. Сырт вызывает первую.

Матти крикнул:

- Наташа, Сырт вызывает!

Он подошел к микрофону и сказал:

- Первая слушает!

- Позовите начальника, - сказал голос из репродуктора.

- Одну минуту.

Вбежала Наташа в расстегнутой дохе и с кислородной маской на груди.

- Начальник слушает, - сказала она.

- Еще раз подтверждаю распоряжение, - сказал голос. - Ночные работы запрещаются. Теплый Сырт окружен пиявками. Повторяю...

Матти слушал и вытирал тарелки. Вошли Пеньков и Сергей. Матти с интересом следил, как у них вытягиваются лица.

- ...Теплый Сырт окружен пиявками. Как поняли меня?

- Поняла вас хорошо, - расстроено сказала Наташа. - Сырт окружен пиявками, ночные работы запрещаются.

- Спокойной ночи, - сказал голос, и репродуктор перестал шипеть.

- Спокойной ночи, Пеньков, - сказал Сергей и стал расстегивать доху.

Пеньков ничего не ответил. Он сердито засопел и ушел в свою комнату.

- Так я пойду, - сказал Феликс.

Все обернулись. Он стоял в дверях, маленький, крепкий, с непропорционально большим карабином у ноги.

- Как пойдешь? - сказал Матти.

Феликс показал пальцами, как он пойдет.

- Ты с ума сошел, - сказал Матти.

Феликс удивленно улыбнулся.

- Да что это с тобой?

- Вы слышали радио? - быстро спросила Наташа.

- Да, слышал, - сказал Феликс. - Но коменданту Сырта я не подчинен. Я же Следопыт.

Он натянул на лицо маску, опустил очки, махнул рукой в перчатке и вышел. Все остолбенело глядели на дверь.

- Как же это? - растерянно сказала Наташа. - Ведь его съедят...

Сергей вдруг сорвался с места и, застегивая доху, кинулся вслед.

- Куда?! - крикнула Наташа.

- Я подвезу его! - на ходу откликнулся Сергей и захлопнул дверь.

Наташа побежала за ним. Матти схватил ее за руку.

- Куда ты, зачем? - спокойно сказал он. - Сережа правильно решил.

- А кто ему позволил? - запальчиво спросила Наташа. - Почему он не слушается?

- Надо же человеку помочь, - рассудительно сказал Матти.

Они почувствовали, как мелко задрожал пол. Сергей вывел краулер. Наташа опустилась на стул, сжала руки.

- Ничего, - сказал Матти. - Через десять-пятнадцать минут он вернется.

- А если они бросятся на Сережу, когда он будет возвращаться?

- Не было еще такого, чтобы пиявка бросилась на машину, - сказал Матти. - И вообще Сережка был бы только рад...

Они сидели и ждали. Матти вдруг подумал, что Феликс Рыбкин уже раз десять приходил к ним на обсерваторию по вечерам и уходил вот так же поздно. А ведь пиявки каждую ночь возятся вокруг Сырта. Смелый парень этот Феликс, подумал Матти. Странный парень. Впрочем, не такой уж и странный. Матти посмотрел на Наташу. Способ ухаживания, может быть, действительно немножко странный: робкая осада...

Матти поглядел в окно. В черной пустоте видны были только острые немигающие звезды. Вошел Пеньков, неся в руках кипу бумаг, сказал, ни на кого не глядя:

- Ну, кто мне поможет графики вычертить?

- Я могу, - сказал Матти.

Пеньков стал с шумом устраиваться за столом. Наташа сидела, выпрямившись, настороженно прислушиваясь. Пеньков, разложив бумаги, оживленно заговорил:

- Получается удивительно интересная вещь, ребята! Помните закон Дега?

- Помним, - сказал Матти. - Секанс в степени две трети.

- Нет тебе на Марсе секанса две трети! - ликующе сказал Пеньков. - Наташ, посмотри-ка... Наташа!

- Отстань ты от нее, - сказал Матти.

- А что? - шепотом спросил Пеньков.

Наташа вскочила.

- Едет! - сказала она.

- Кто? - спросил Пеньков.

Пол под ногами снова задрожал, потом стало тихо, звякнула шлюзовая дверь. Вошел Сергей, сдирая с лица заиндевевшую маску.

- Ух и мороз – ужас! – сказал он весело.

- Ты где был? – изумленно спросил Пеньков.

- Рыбкина на Сырт отвозил, – сказал Сергей.

- Ну и молодец, – сказала Наташа. – Какой ты молодец, Сережка! Теперь я могу спокойно спать.

- Спокойной ночи, Наташенька, – вразноголосицу сказали ребята.

Наташа ушла.

- Что ж ты меня не взял? – с обидой сказал Пеньков.

На лице Сергея пропала улыбка. Он подошел к столу, сел и отодвинул бумаги.

- Слушайте, ребята, – сказал он вполголоса. – А ведь я Рыбкина не нашел. До самого Сырта доехал, сигналил, прожекторами светил – нигде нет. Как сквозь землю провалился.

Все молчали. Матти опять подошел к окну. Ему показалось, что где-то в районе Старой Базы медленно движется слабый огонек, словно кто-то идет с фонариком.

4

МАРС. СТАРАЯ БАЗА

В семь часов утра начальники групп и участков системы Теплый Сырт собрались в кабинете директора системы Александра Филипповича Лямина. Всего

собралось человек двадцать пять, и все расселись вокруг длинного низкого стола для совещаний. Вентиляторы и озонаторы были пущены на полную мощность. Наташа была единственной женщиной в кабинете. Ее редко приглашали на общие совещания, и многие из собравшихся ее не знали. На нее поглядывали с благожелательным любопытством. Наташа услышала, как кто-то сказал кому-то сипловатым шепотом: «Знал бы – побрился».

Лямин, не вставая, сказал:

– Первый вопрос, товарищи, вне повестки дня. Все ли позавтракали? А то я могу попросить принести консервы и какао.

– А вкусенького ничего нет, Александр Филиппович? – осведомился полный розовощекий мужчина с забинтованными руками.

В кабинете зашумели.

– Вкусенького ничего нет, – ответил Лямин и сокрушенно покачал головой. – Вот консервированную курицу разве...

Раздались голоса:

– Правильно, Александр Филиппович! Пусть принесут! Не успели поесть!

Лямин кому-то махнул рукой.

– Сейчас принесут, – сказал он и встал. – Все собрались? – Он оглядел собравшихся. – Азизбеков... Горин... Барабанов... Накамура... Малумян... Наташа... Ван... Джефферсона не вижу... Ах да, прости... А где Опанасенко?.. От Следопытов есть кто-нибудь?

– Опанасенко в рейде, – сказал тихий голос, и Наташа увидела Рыбкина. Впервые она увидела его небритым.

– В рейде? – сказал Лямин. – Ну ладно, начнем без Опанасенко. Товарищи, как вам известно, за последние недели летающие пиявки активизировались. С позавчерашнего дня началось уже совершенное безобразие. Пиявки стали

нападать днем. К счастью, обошлось без жертв, но ряд начальников групп и участков потребовал решительных мер. Я хочу подчеркнуть, товарищи, что проблема пиявок – старая проблема. Всем нам они надоели. Спорим мы о них ненормально много, иногда даже ссоримся, полевым группам эти твари, видимо, очень мешают, и вообще пора наконец принять о них, о пиявках то есть, какое-то окончательное решение. Коротко говоря, у нас определились два мнения по этому вопросу. Первое – немедленная облава и посильное уничтожение пиявок. Второе – продолжение политики пассивной обороны, как паллиатив, вплоть до того времени, когда колония достаточно окрепнет. Товарищи, – он прижал руки к груди, – я вас прошу сейчас высказываться в произвольном порядке. Но только, пожалуйста, постарайтесь обойтись без личных выпадов. Это нам совершенно ни к чему. Я знаю, все мы устали, раздражены и каждый чем-нибудь недоволен. Но убедительно прошу забыть сейчас все, кроме интересов дела. – Глаза его сузились. – Особенно горячих я буду удалять с совещания независимо от рангов.

Он сел. Сейчас же поднялся высокий, очень худой человек, с пятнистым от загара лицом, небритый, с воспаленными глазами. Это был заместитель директора по строительству – Виктор Кириллович Гайдадымов.

– Я не знаю, – начал он, – сколько времени продлится ваша облава – декаду, месяц, может быть, полгода. Я не знаю, сколько людей вы заберете на облаву – людей, по-видимому, самых лучших, может быть, даже всех. Я не знаю, наконец, выйдет ли что-нибудь из вашей облавы. Но вот что я твердо знаю и считаю своим долгом довести до сведения. Во-первых, из-за облавы придется прервать строительство жилых корпусов. А между прочим, через два месяца к нам прибудет пополнение, а жилищный кризис дает себя знать уже сейчас. На Теплом Сырте я не имею возможности выделить комнаты даже женатым. Кстати, не к чести наших иностранных друзей будь сказано, они слишком много волнуются по этому поводу. Но это между прочим. Во-вторых, из-за облавы задержится строительство завода стройматериалов. Что такое завод стройматериалов в наших условиях, вы должны понимать сами. Об оранжереях и теплицах, которые мы из-за облавы не получим и этим летом, я даже говорить не буду. В-третьих, самое главное. Облава сорвет строительство регенерационного завода. Через месяц начнутся осенние бури, и на этом строительстве придется поставить крест. – Он стиснул зубы, закрыл и снова открыл глаза. – Вы знаете, товарищи, что мы все здесь висим на волоске. Может быть, я раскрываю какие-то секреты администрации, но черт с ними в конце концов: мы все здесь взрослые и опытные люди! Запасы воды под Теплым Сыртом иссякают. Они уже фактически иссякли. Уже сейчас мы возим воду на песчаных танках за двадцать шесть километров. (За столом зашумели и

задвигались, кто-то крикнул: «А куда раньше смотрели?!») Если мы не закончим к концу месяца регенерационный завод, то осенью мы сядем на голодный паек, а зимой нам придется перетаскивать Теплый Сырт на двести километров отсюда. Я кончил.

Он сел и залпом выпил стакан остывшего какао. После минутной паузы Лямин сказал:

– Кто следующий?

– Я, – сказал кто-то. Встал маленький бородатый человек в темных очках – начальник ремонтных мастерских Захар Иосифович Пучко. – Я полностью присоединяюсь к Виктору Кирилловичу. – Он снял очки и подслеповато оглядел стол. – Как-то все у нас по-детски получается – облава, пиф-паф, ой-ей-ей... А я спрошу вас: а на чем это вы собираетесь гоняться за пиявками? Может быть, на палочке верхом, а? Вам сейчас Виктор Кириллович очень хорошо объяснил: у нас песчаные танки возят воду. А какие это танки? Это же горе, а не танки. Четверть нашего транспортного парка стоит у меня в мастерских, а ремонтировать их некому. Тот, кто умеет ремонтировать, тот не ломает, а кто умеет ломать, тот не умеет ремонтировать. Обращаются с танками так, будто это авторучка – выбросил и купил новую. Я, Наташа, посмотрел на ваш краулер. Это ж довести машину до такого состояния! Можно подумать, вы на нем ходите сквозь стены...

– Захар, Захар, ближе к делу, – сказал Лямин.

– Я хочу только сказать вот что. Знаю я эти облавы, знаю. Половина машин останется в пустыне, другая половина, может быть, доползет до меня, и мне скажут: чини. А чем я буду чинить – ногами? Рук у меня не хватает. И тогда начнется: «Пучко такой, Пучко сякой. Пучко думает, что не мастерские для Теплового Сырта, а Теплый Сырт для мастерских». Я начну просить людей у товарища Азизбекова, и он мне их не даст. Я начну просить людей у товарища Накамуры – простите, у господина Накамуры, – и он скажет, что у него и так летит программа...

– Ближе к делу, Захар, – нетерпеливо сказал Лямин.

– Ближе к делу начнется, когда у нас не останется ни одной машины. Тогда мы начнем носить продукты и воду на своем горбу за сто километров, и тогда меня

спросят: «Пучко, где ты был, когда делали облаву?»

Пучко надел очки и сел.

- Дрянь дела, - пробормотал кто-то.

Наташа сидела как пришибленная. «Ну какой я начальник! - думала она. - Ведь я же ничего этого не знала, и даже не могла предположить, и еще ругала, свинья такая, этих стариков за бюрократизм...»

- Разрешите мне, - послышался мягкий голос.

- Старший ареолог[3 - Специалист по геологии Марса.] системы Ливанов, - сказал Лямин.

Лицо Ливанова тоже было покрыто пятнистым загаром, широкое квадратное лицо с черными, близко посаженными глазами.

- Возражения против облавы, высказанные здесь, - проговорил он, - представляются мне чрезвычайно важными и значительными. (Наташа посмотрела на Гайдадымова. Гайдадымов спал, бессильно уронив голову.) И тем не менее облаву провести необходимо. Вот некоторые статистические данные. За тридцать лет пребывания человека на Марсе летающие пиявки совершили более полутора тысяч зарегистрированных нападений на людей. Три человека было убито, двенадцать искалечено. Население системы Теплый Сырт составляет тысячу двести человек, из них восемьсот человек постоянно работают в поле и, следовательно, перманентно находятся под угрозой нападения. До четверти ученых вынуждены нести сторожевую службу в ущерб государственным и личным научным планам. Мало того. Помимо морального ущерба пиявки наносят весьма значительный материальный ущерб. Только за последние несколько недель и только у ареологов они непоправимо разрушили пять уникальных установок и вывели из строя двадцать восемь ценных приборов. Представляется очевидным, что дальше так продолжаться не может. Пиявки ставят под угрозу всю научную работу системы Теплый Сырт. В мои намерения никоим образом не входит сколько-нибудь умалить значение соображений, высказанных здесь товарищами Гайдадымовым и Пучко. Эти соображения были учтены при составлении плана облавы, который я имею предложить совещанию от имени ареологов и Следопытов.

Все зашевелились и снова замерли. Гайдадымов вздрогнул и открыл глаза. Ливанов продолжал размеренным голосом:

– Наблюдения показали, что апексом распространения пиявок в районе Теплового Сырта является участок так называемой Старой Базы – на карте отметка 211. Операция начинается за час до восхода солнца. Группа из сорока хорошо подготовленных стрелков на четырех песчаных танках с запасом продовольствия на три дня занимает Старую Базу. Две группы загонщиков – ориентировочно по двести человек в каждой – на танках и краулерах развертываются в цепи из районов: первая группа – в ста километрах к западу от Сырта, вторая группа – в ста километрах к северу от Сырта. В час ноль-ноль обе группы начинают медленное движение соответственно к северо-востоку и к югу, производя на ходу как можно больше шума и истребляя пиявок, пытающихся прорваться через цепь. Двигаясь медленно и методически, обе группы смыкаются флангами, оттесняя пиявок в район Старой Базы. Таким образом, вся масса пиявок, оказавшаяся в зоне охвата, будет сосредоточена в районе Старой Базы и уничтожена. Такова первая часть плана. Я хотел бы выслушать возможные вопросы и возражения.

– Медленно и методически – это хорошо, – сказал Пучко. – Но все-таки сколько потребуется машин?

– И людей, – сказал Гайдадымов. – И дней.

– Пятьдесят машин, четыреста пятьдесят человек и максимум трое суток.

– Как вы думаете истреблять пиявок? – спросил Джефферсон.

– Мы очень мало знаем о пиявках, – сказал Ливанов. – Пока мы можем полагаться только на два средства: отравленные пули и огнеметы.

– А где это взять?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Stinker – вонючка (англ.).

2

Что случилось? У парня нет документов? (англ.)

3

Специалист по геологии Марса.

Купить: https://tellnovel.com/ru/strugackie_arkadiy-i-boris/stazhery

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)